

18+

Ольга Суханова

ДО ПОСЛЕДНЕЙ СТРЕЛЫ

Сказки Шервудского леса

Ольга Суханова

До последней стрелы

«Издательские решения»

Суханова О.

До последней стрелы / О. Суханова — «Издательские решения»,
— (Сказки Шервудского леса)

ISBN 978-5-00-511465-5

Робин — лучший лучник Англии. Бедняки поют о нем песни в придорожных харчевнях, а богачи боятся лишний раз проехать через Шервудский лес. Ясмина — связной Салах ад-Дина, от одного ее имени вздрагивают крестоносцы. Вдвоем они могут перевернуть весь мир. С первой же встречи Робин и Ясмина тянутся друг к другу. Но и у него, и у нее — слишком сильный и необузданный нрав, слишком много всего в прошлом.

ISBN 978-5-00-511465-5

© Суханова О.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	39
Глава восьмая	44
Глава девятая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

До последней стрелы

Ольга Суханова

© Ольга Суханова, 2020

ISBN 978-5-0051-1465-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Узлы были сделаны на совесть. До петли, обвивавшей ноги, удалось дотянуться и даже схватить ее зубами, но это не помогло – тугая конопляная веревка не поддавалась. Да и много ли толку от свободных ног, если руки все равно намертво связаны за спиной? Старый Али-Хаджи часто говорил: видишь, что дергаться бесполезно, – не трать силы, побереги их до подходящего мига. Сейчас оставалось только поудобнее устроиться в тряской повозке да посматривать через прореху в рогоже на густой лес по сторонам, тощий конский зад впереди и двух толстяков, правящих колымагой. С этой парочкой неповоротливых бочек вполне можно было сладить, если бы не проклятая веревка. Лес шелестел кипучей листвой раннего лета, увальни негромко болтали друг с другом, грубая повозка скрипела, подпрыгивая на корнях деревьев.

– Да чтоб мне! – прошипел один из толстяков. Второй громко выругался. Повозка остановилась.

Сквозь дыру в рогоже было видно, что путь впереди преграждают двое. Один, рыжеволосый, рослый и крепкий, стоял прямо посреди дороги и поигрывал кинжалами. Второй, среднего роста, худощавый и широкоплечий, приготовил длинный деревянный лук. И, хотя оружие было опущено, а стрела спокойно лежала на не натянутой пока тетиве, не было никаких сомнений: один миг – и стрела окажется в груди противника.

Старому Али-Хаджи понравилось бы, как этот белокрысый держит лук. Очень понравилось бы.

– Добрый вам вечер, святые отцы, – весело сказал лучник. – В город направляетесь? Что везете?

– Что может быть у бедных монахов из Ньюстеда? Пустая повозка.

– И кошельки пустые? Зачем ехать на завтрашнюю ярмарку с пустой повозкой и без денег? Скарлет, срежь у них кошельки и проверь, что в телеге. Только осторожно.

Белокрысый чуть приподнял лук и едва заметно натянул тетиву. Его напарник ловко срезал поясные мешки монахов, бросил под ноги лучнику и направился к повозке.

– А звенят, словно полные. Не переживайте, святые отцы, каждый пенс пойдет на доброе дело. Ну, что там, Скарлет?

– Два мешка. Кажется, с мукой. Котомка со снедью в дорогу, – начал рыжий парень с двумя кинжалами и вдруг растерянно добавил:

– Девка.

– Что?

– Девка, говорю. Связана. Избита. На сарацинку похожа.

– Помоги ей выбраться.

– Эй, – затараторил парень с кинжалами, – ты... ты меня понимаешь? Двигаться можешь? Говорить? Рот, что ли, заткнут?

– Могу. Была тряпка, я ее выплюнула.

– Выбирайся. Да не бойся ты!

Девушка внутри зашевелилась и, осторожно перекатившись, выбралась наружу. Выглядела она потрепанно, но на ногах держалась вполне твердо. Простое, не слишком чистое платье из грубого полотна было перетянуто веревкой и от этого четко обрисовывало броскую восточную фигуру: хрупкие плечи, тонкую талию и крутые пышные бедра. Босые ноги были сбиты в кровь, длинные черные косы – растрепаны. Ссадины на лице, шее и руках казались совсем свежими.

– Кости целы? – быстро спросил белокрысый. Взгляд его скользил по тонким ключицам, мелькавшим в вырезе платья.

Пленница молча кивнула.

– Прекрасно развлекаетесь, святые отцы, – видя, что перепуганные монахи даже не пытаются шелохнуться, лучник убрал стрелу в колчан, закинул оружие на плечо и вместо этого вынул из кожаных ножен на поясе легкий охотничий нож. – Никогда мне не нравилось, что ваш монастырь носит имя Святой Марии.

– Нам просто велели ее отвезти!

– Они что-нибудь тебе сделали?

– Эти? – фыркнула девушка. – Попробовали бы!

– Скарлет, свяжи мешки и закинь на свою лошадь. Она выдержит?

– Она даже Джона выдерживает, – Скарлет шагнул в сторону от дороги, исчез в лесной зелени, но через несколько мгновений вернулся, ведя под уздцы двух коней – чубарого и серого.

Белобрысый тем временем быстро перерезал петли на ногах пленницы.

– Повернись, давай руки. Не бойся. Как тебя зовут?

– Ясмينا.

Когда петли на руках ослабли, девушка зашипела: ее запястья были истерты в клочья, и пеньковая веревка, пропитавшись кровью, за время пути успела намертво присохнуть к ранам.

– На лошади удержишься? Запрыгнешь? Хватайся за меня и не бойся.

Скарлет уже сидел на сером коне, два мешка с мукой были связаны и переброшены через седло. Белобрысый ловко подобрал срезанные кошельки и закинул их в седельную сумку.

– Подожди, – Ясмينا, развернувшись, шагнула к одному из монахов и протянула ладонь. – Кольцо.

– Какое еще кольцо? – попытался было отмахнуться толстяк, но девушка едва уловимым движением схватила его за руку и резко, быстро вывернула кисть на излом.

Монах взвыл.

– Мое кольцо, – спокойно повторила она, не ослабляя хватки. – Ну?

– Отпусти! Сейчас, сейчас! – толстяк судорожно рылся свободной рукой в складках сутаны. – Вот!

В ладонь Ясмины легло кольцо с крупным зеленым камнем.

– Поехали, – белобрысый запрыгнул на чубарого коня, потом, обернувшись с седла, обратился к девушке. – Придется тебе немного прокатиться на крупе. Но тут рядом, да и поедем шагом. Скарлет, отвези мешки в Эдвинстоу. Потом в лагерь. Прощайте, святые отцы! Ноттингем недалеко, до закрытия ворот вы успеете. И покормите лошадь – на нее смотреть больно.

Через полчаса чубарый конь довез своих седоков до большой поляны, со всех сторон защищенной пышными высокими дубами. Посреди поляны крупными камнями было огорожено место для костра, вокруг стояли несколько саксонских шатров, у дальнего края виднелся навес.

– Приехали, – сказал всадник и обернулся через плечо к девушке. – Что ты так смотришь?

– Пытаюсь понять, ты меня спас или похитил?

Ясмينا легко спрыгнула на землю.

Белобрысый рассмеялся:

– Все сразу. Не бойся, ты не пленница.

– А вдруг меня за дело связали? Может, я страшный человек? Убила кого-нибудь?

– Здесь тебя никто спрашивать не будет. Захочешь – расскажешь, нет – значит, нет.

– Не сейчас, ладно?

– Хорошо.

Он повернулся, увидел подошедшего толстяка в монашеской сутане и махнул ему рукой.

– Я уж собирался тебя искать. Это Ясмина, наша гостья. Это отец Тук, мастер обработки ран и ссадин, он тебе поможет.

– Пойдем, девочка, не бойся, – приосанился монах, услышав слова белобрысого. – Робин, она в надежных руках.

– Робин? – Ясмина отступила на шаг. Из-за разницы в росте ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть белобрысому в глаза – оказалось, что они чистого серого цвета.

– Так это о тебе поют на окрестных постоянных дворах?

– А что, поют, да? – снова рассмеялся он.

– Еще как. И ты правда попадаешь в тонкий ивовый прутник со ста шагов?

– Со ста тридцати.

Старый Али-Хаджи одобрил бы такую уверенность. Не хвастовство, а именно уверенность.

– Что еще про меня поют? – весело спросил белобрысый.

– Что ты со своей шайкой грабишь церковников и сборщиков податей.

Едва Тук с Ясминой ушли в один из шатров, из другого выбежала высокая, очень красивая девушка с пепельными косами и светло-голубыми глазами, совсем юная, едва ли старше шестнадцати-семнадцати лет.

– Я так тебя ждала!

– Красавица моя! – Робин легко подхватил ее на руки и закружил. – Ну все, все, крошка, сейчас расседлаю коня и приду. Подожди немного.

– Что за женщина с тобой?

– Не знаю. Монахи везли ее в Ноттингем. Связанную.

– Красивая?

– Не заметил. Кстати, найдется у тебя платье, которое не жалко? А то она вся как из бочки с дикими кошками.

– Найдется. Сейчас отнесу ей, заодно отведу к ручью, пусть хоть отмоется.

Вскоре обитатели лагеря стали собираться у костра. Небо еще не начало темнеть, а на вертеле уже жарилась кабанья туша, за которой следил монах Тук. Вернувшийся Скарлет устроился на длинном широком бревне. Напротив, подальше от дыма, на старом потрепанном плаще села красавица с пепельными волосами. Подтянулись и еще несколько человек, среди них выделялся косматый верзила с широченным торсом и зычным голосом.

– Опять нарушаете лесной закон и стреляете королевскую дичь? Что-нибудь найдется у нас, кроме кабанятины? – Робин подошел к собравшимся и опустил на плащ рядом с голубоглазой.

– Ты решил податься в сарацины? – захохотал косматый верзила. – А что, я слышал, там по несколько жен можно! Марион, ну-ка покажи ему!

– Есть заяц, – отозвался монах. – Уж как-нибудь не оставим твою гостью голодной. О, а вот и она.

Ясмина растерянно остановилась в стороне.

– Да не бойся, садись на бревно, – подбодрил ее Скарлет. – Места полно.

– Спасибо.

– Мое платье на тебе трещит, – фыркнула красавица, прищурила светло-голубые глаза и обняла сидевшего рядом главаря разбойников.

– Оно мне еще и длинно, – улыбнулась в ответ Ясмина. – И в груди и бедрах правда трещит. Зато в талии и плечах болтается, так что в целом замечательно, спасибо! – она ловко проскользнула к бревну и опустилась возле Скарлета.

Робин легко выпрямился и посмотрел на собравшихся.

– Так, все здесь, – начал он. – Ну, знакомься. Отца Тука ты уже знаешь. Это Уилл Скарлет, мастер боя на мечех. Хотя вы тоже уже знакомы. И Марион, самую красивую девушку Англии,

ты уже знаешь. Это Джон, он устрашает врага одним своим видом. А если возьмет в руки дубину – все, живых не останется. Дик, лучший рыболов и охотник. Может разглядеть и прочитать любой след на земле, да и след утки в небе или леща в реке увидит. Эмиль из Нидароса, потомок викингов. Неудержим в драке, особенно если выпьет. Теодор, сын конюха, орудует дубиной не хуже Джона. Он у нас самый молодой, мечтает о путешествиях и наверняка будет тебя расспрашивать про восток. Ты же с востока?

– Да. Из Персии.

Ясмина, улыбнувшись, посмотрела на любопытного паренька, которому едва ли было больше двенадцати-тринадцати лет, потом снова перевела взгляд на главаря разбойников, но тот уже вполголоса переговаривался о чем-то с монахом.

– Не вздумай, – хмурился отец Тук. – Тьфу, мальчишество!

– Мальчишество, нет ли, а тридцать шиллингов не лишние. После Троицы и ярмарки с крестьян будут собирать очередную подать, и что? Что у них есть? Они сегодня Скарлета за пару мешков муки чуть не расцеловали. А с них денег хотят.

– И ты решил устроить героическую жертву!

– Да почему жертву-то?

– Твою белобрысую башку знает каждый стражник Ноттингема! И после твоей выходки с расщепленными стрелами на прошлом турнире тебя теперь станут ждать и выискивать. А чем меньше лучников будет оставаться – тем внимательней и шериф, и все его стражники начнут присматриваться к каждому из оставшихся. Хоть сто капюшонов напяль, а походку и осанку ты не скроешь. В прошлый раз каким-то чудом получилось, – наверное, просто такой наглости никто не ждал. Но второй раз тебе это с рук не сойдет. Лучше пойдешь и просто сдайся – за тебя обещано пятьдесят шиллингов. Двадцатка чистой выгоды, а возни меньше.

– Так, – вступила Марион. Она склонила голову, светлые пепельно-русые волосы рассыпались по ее крепким широким плечам. – Ты никуда не пойдешь.

Ясмина вслушивалась в разговор. Спросить, о чем речь, ей было неловко, но вдруг ее глаза почти в упор встретились с серыми глазами главаря разбойников.

– Надо было просто молча завтра поехать и все сделать, – усмехнулся он ей.

– Это ты о чем?

– А, ну да, прости, – он протянул в сторону глиняную кружку. – Скарлет, плесни мне эля. Спасибо. Если ты слышала песни про нас – может, слышала и то, что мы иногда помогаем тем, кому совсем есть нечего.

– Слышала, но не поверила.

– Да брось, почти все мы деревенские, нам ли не знать, каково оно? Джон – сын мельника, Скарлет – кузнеца, а я из семьи лесника. Завтра Троица, в Ноттингеме будет шумная ярмарка и турнир лучников. Плата за участие смешная, а награда победителю – тридцать шиллингов. Я собирался пойти и выиграть, а они меня отговаривают.

– А если ты не выиграешь?

– Это как? – Робин чуть не захлебнулся элем.

– Я что-то не то сказала?

– Нет-нет, продолжай, – он рассмеялся. – Такого я еще не слышал.

– Они правы. Наверняка на этом турнире тебя будут ждать и выслеживать.

– Знаю. Но я уверливый.

– И у тебя десять жизней, да? – Ясмина устроилась на бревне поудобнее, наклонившись ближе к огню, так, что разбойник видел через отблески костра ее лицо – высокие скулы, черные брови вразлет и длинные темные ресницы. Что там спрашивала Марион насчет красоты? Нет, красивой гостью не была, ее портили и черты лица, тонкие, но неправильные, и глубокая косая морщинка между бровей, придававшая серьезности и возраста. Но отвести взгляд

от этого некрасивого лица было не так просто. Невысокая, хрупкая, девушка почему-то казалась похожей на горячий напиток, в который переложили пряного, острого и горького.

– А как проходят турниры?

– Ты что, ни разу не видела турнир лучников?

– Я четвертый день в Англии, – улыбнулась Ясмينا.

Монах Тук обернулся к госте:

– Ого! Четвертый день, а так лихо говоришь! Нет, чужеземный выговор чувствуется, но...

– Мой родной язык – персидский, но я с ранней юности слышала речь саксов, нормандцев и франков. Так как проводятся турниры?

Робин оживился:

– Сначала герольды записывают всех, кто соревнуется, и принимают плату. Потом ставят мишени, и каждый стреляет по одному разу. Начинают с сорока ярдов. После каждого захода половина стрелков отсеивается, а мишени отодвигаются еще на пять ярдов. И так до тех пор, пока не останется двое или трое, а дальше уж оставшиеся соревнуются друг с другом.

– А кто может участвовать?

– Да кто угодно, лишь бы заплатил сбор. Это не рыцарский турнир, тут не надо быть благородной крови.

– А стрелять можно из любого лука?

– Да.

– И ты наверняка знаешь всех оружейников Ноттингема. У них можно найти хороший лук?

– Эй, ты что задумала?

– Можно или нет?

– Да у нас в лагере полно.

– Хороший лук – это не гнутая тисовая палка, а благородное восточное оружие. А такой, как у тебя, мне и не натянуть.

– Считаю, я не слышал про гнутую тисовую палку. Что ты задумала?

Все, кто был у костра, обернулись к госте.

– Отец Тук прав, тебя наверняка ждут на этом турнире. И будут выискивать стройного светловолосого мужчину. А, например, на невысокого подростка никто не обратит внимания. Потому что невысокий подросток – это точно не ты. Я все равно собиралась продать кольцо – мне нужна хорошая лошадь, неприметная одежда и что-нибудь на всякий случай для обороны. Если завтра с утра, до турнира, я успею подобрать подходящий лук – пойду и выиграю. Меня-то точно никто не узнает. Будут вам тридцать шиллингов.

– А если не выиграешь? – усмехнулся Робин. Видно было, что предложение гостя его развеселило.

– Это как? – передразнила Ясмينا.

Девушка отбросила назад черные косы и снова через костер посмотрела в серые глаза разбойника:

– У тебя же наверняка есть проверенный золотых дел мастер, который скупает добычу? – она подняла тонкую смуглую руку, на которой в отблесках пламени сверкал зеленый камень. – Это асуанский изумруд. Даже если мне дадут за него лишь треть цены – хватит и на лошадь со сбруей, и на одежду, и на то, чтобы мне добраться, куда надо.

– А ведь это кольцо делали для тебя, девочка, – вмешался Тук. – Оно сделано по твоей руке очень хорошим мастером. И мало кому подойдет, надо еще найти такие тонкие пальцы.

– Ничего. Пусть купят просто из-за камня.

– Почему те, кто тебя связал и отправил в Ноттингем, не забрали кольцо? – нахмурился Робин. – Оно стоит как полгорода.

– Я привыкла носить его камнем внутрь, его не увидели. А вот монахи заметили и польстились.

– Ну еще бы. И ты не боишься ехать с таким состоянием на ярмарку?

– Но ты же будешь со мной. Чего тогда бояться?

В серых глазах разбойника заблестели веселые искры:

– Ты придумала такую чушь, что я даже не удивлюсь, если это сработает. Тебе правда доводилось держать в руках лук?

– Мне давали потрогать.

Глава вторая

– Не вздумай, – ворчал монах. – Вот только сунься!

– Да замолчи уже, я и оружия-то никакого не беру. Но отпускать девчонку одну правда опасно. Да и не знает она никого, обманут. Хью, конечно, и так полной цены не даст, но при мне хоть мошенничать не посмеет. Продаст она свое кольцо, подберем ей спокойную лошадку и вернемся.

– Она вроде стрелять собралась.

– Не смей меня.

– Скарлета не хочешь взять на турнир? Его-то как раз не знают.

– Пусть отсыпается. До половины он бы точно прошел, а дальше – нет, – главарь разбойников поднялся с бревна и направился к одному из шатров. – Скарлет дальше половины не потянет, Дик тоже. Эмиль дойдет до конца, но промажет решающим выстрелом. А вот ты мог бы и выиграть, но тебя разве выкуришь из лагеря?

– Ну уж нет. Осел меня до города не дотянет, а на лошадь я не заберусь, – отмахнулся Тук. – О, твоя гостя уже готова, – проворчал он, увидев, как навстречу им из шатра выходит Ясмينا. Маленькая сарацинка на ходу одергивала плащ и пыталась заправить под шапку длинные черные волосы.

– Поехали?

– Да.

– Парень из тебя, честно сказать, неказистый, – Тук, скривившись, со всех сторон оглядел закутанную в широкий бесформенный плащ девушку. – И волосы выбиваются, да и фигурка хлипкая. То ли дело Марион, мы из нее пару раз такого бравого молодца делали – рослого, плечистого!

– Зато взгляд ни на чем не цепляется, – ухмыльнулся Робин. – Готова? Сейчас приведу лошадей.

– Чубарого своего не бери, – заворчал монах. – Слишком он приметный.

– Конечно, нет. Пока Скарлет дрыхнет после ночного караула, оседлал себе его серого, а Ясмине – рыжую Теодора.

– Она же с норовом.

– Вот и поладят.

Разбойник направился к навесу на другом краю поляны и вскоре вернулся, ведя под уздцы двух лошадей.

– Помочь? – спросил он, обернувшись к девушке, но та только фыркнула, проверила подпругу, чуть подтянула повыше стремяна – и через миг была в седле.

– Передавай привет старому проходимцу Хью! – буркнул монах.

– Передам, – кивнул Робин, вскочил на серого коня и направил его быстрым шагом по узкой лесной тропинке. – Не отставай, – бросил он, не оборачиваясь.

Ясмина двинулась следом.

Вскоре тропинка стала шире, а затем вывела на лесную дорогу, где можно было ехать не друг за другом, а рядом. Ясмина, поравнявшись с разбойником, отпустила повод и принялась на ощупь заталкивать под шапку смоляные пряди, выбивавшиеся со всех сторон.

– Может, лучше просто капюшон накинуть? – спросила она.

– Под капюшон все так и норовят заглянуть. А шапка – ну шапка и шапка, скользнут взглядом, и все.

– А тебя точно не узнают?

– Мимо стражников на воротах мы проедем, не бойся. А в городе на ярмарке будет толпа, где никто ни на кого не смотрит.

– Так нормально? Не торчат волосы?

– Торчат, но ничего, сойдет, – отозвался Робин и вдруг, прищурившись, развернулся к спутнице. – А ведь тебя учили стрелять с седла. Да?

– Почему ты так решил? – ответила она, запроля под шапку очередной завиток.

– Ты болтаешь со мной и возишься с волосами, бросив поводья. И едешь как ни в чем не бывало. Ты привыкла управлять лошастью без рук. А для чего всаднику свободные руки, а?

– Волосы под шапку запихивать, – ответила девушка и взялась за повод.

– Во что я ввязался?

– Помогаешь слабым и беззащитным. Я слышала, ты это любишь. Сначала поможешь слабой девушке, а потом, если все получится, и беззащитным крестьянам. А стрелять с седла, – Ясмину повернулась, поймала взгляд разбойника и продолжила. – Я дочь охотника, Робин. В наших краях, если в семье нет сыновей, ремесло отца продолжает старшая дочь. А я – старшая из четырех сестер.

Впереди на высоких холмах поднимались городские стены.

– Меня, конечно, узнать не должны, но мало ли что. Если вдруг начнется шум – думай только о себе и ни в какие стычки не ввязывайся. С обученными и вооруженными стражниками драться – это не монахам руки выворачивать. Рыжая знает дорогу к лагерю, да и ты, если дочь охотника, запомнила каждую тропинку.

– Запомнила, да. Слушай, а как мне назваться на турнире?

Робин быстро улыбнулся:

– Ты не из Эдвинстоу, не из Лакстона, вообще не из окрестностей Ноттингема – тут все друг друга знают. Будешь из других мест, из Йоркшира.

– Это далеко?

– На севере. Дочь охотника, выговор нездешний... ты Гюнтер из Йоркшира. Отличное имя, тебе подходит.

До моста они доехали молча. Перед самыми воротами Робин быстро обернулся к спутнице:

– Не пугайся.

– Что?

Разбойник, не успев ответить, вдруг обмяк в седле и начал валиться то в одну, то в другую сторону. Повод выпал из его рук. Робин еле держался на лошади, судорожно цепляясь за гриву. Серые глаза, мгновение назад веселые и хитрые, затуманились. Вместо собранного главаря шайки в седле оказался крепко выпивший крестьянин. Этот крестьянин жалко болтался на коне, но умудрялся, запинаясь, горланить песню:

*На старой соломе, на голых камнях
Чужие жены любили меня,
Но всех на свете была милей
Та, что ни взгляда не бросила мне.*

*На старой соломе, на свежей траве
Красотки честь отдавали мне,
Но всех на свете желанней была
Та, которая не отдала.*

– Где ты успел так надраться с самого утра? – загоготал стражник у ворот.

– Да посмотри на эту рожу, сразу видно – не первый день в запое! – отозвался его напарник. – Эй, смотри не запачкай приличных людей! И за своим цыганенком следи, если хоть один кошелек пропадет – шкуру с тебя снимем!

Под хохот охраны Робин и Ясмينا въехали в Ноттингем.

Старый Хью с сомнением повертел кольцо.

– Египетский камень, арабская работа. Обычно к таким еще и серьги делают.

– Были и серьги, – согласилась Ясмينا.

Тон ее не оставлял ни малейших сомнений – никаких пояснений не последует.

– И, как я понял, в этот раз можно не опасаться, что какая-то из знатных дам узнает свое украшение? – торговец еще раз покрутил кольцо. – Сотня шиллингов, и ни пенсом больше.

Девушка вопросительно взглянула на разбойника, тот едва заметно кивнул.

– Хорошо.

– Готовь кошель, парень, – бросил ей Хью, повернулся к небольшому ларцу и загремел связкой ключей. – А потом держись за него крепче в городской толпе. Видно, что ты не здешний, воришки таких любят.

– Я за ним послежу, – улыбнулся Робин.

– А ты, кстати, будь поосторожнее, – сказал торговец, не отрываясь от замка. – Слышал я, что сэр Гай скоро вернется. А шериф только и ждет его возвращения, чтобы взяться за тебя всерьез.

– Спасибо, Хью. Разберемся.

Через несколько минут разбойник и его спутница вышли на улицу. До открытия ярмарки еще оставалось время, но город уже бурлил: в ворота то и дело въезжали крестьянские повозки, на рыночной площади раскладывали товар ремесленники.

– На конный рынок? – спросил Робин. – Ты хотела подобрать лошадь.

– Сначала я хотела подобрать оружие. И успеть на турнир.

– Ты это серьезно?

– Конечно.

– Во что я ввязался? – сам себя спросил разбойник. – Хорошо, будь по-твоему. Из всех городских оружейников я доверюсь только одному, к другим сунуться не рискну. А вот Мэтт точно не сдаст. Пойдем, Гюнтер из Йоркшира, и будем надеяться, что у Мэтта для тебя что-нибудь найдется. Еще рано. Подберем тебе лук, потом передохнем и поедем в какой-нибудь харчевне, – я не железный, ты, думаю, тоже. И у нас останется куча времени до начала состязаний.

– Веди.

– Да мы почти на месте. Вперед, потом налево. Вон та дверь. Привет, Мэтт, я тебе привел покупателя.

– Робин! – оружейник сгреб главаря шайки в охапку. – Что ты учудил с монахами из Ньюстеда? Шериф в ярости. У тебя новобранец? Что ему подобрать?

– Это Гюнтер, он сам скажет.

– Гюнтер? – удивленно повернулся Мэтт. – Прости, парень, я подумал, что ты сарацин.

Ясмينا заметила в глазах разбойника веселые искорки.

– Легкий восточный лук, – начала она. – Три тетивы, лучше шелковые. Две дюжины самых лучших стрел. И пару небольших ножей с хорошим клинком и простой рукояткой. Таких, чтоб и в драке сгодились, и летели неплохо.

В тесной комнатке на стенах висели ножи, несколько мечей и щитов да пара тонких кольчужных рубашек. Мэтт провел гостей к двери в самом углу.

– Проходите сюда.

Дверь вела в длинное полутемное помещение, похоже, служившее кладовкой. Ясмينا увидела несколько восточных луков, выгнутых без тетивы в обратную сторону.

– Покажи мне вон тот.

– Верхний?

– Да. Черный клен, буйволиный рог, да? – она улыбнулась.

– Самый капризный лук из всех, что у меня сейчас есть. Прекрасное оружие, но ошибок не прощает.

– Мне не нужно ничего прощать.

Ясмина взяла лук, чуть отвернулась в сторону, чтобы мужчины не видели ее гримасы, – каждый раз ей приходилось собирать все силы, чтобы вывернуть оружие и надеть на него тетиву. С ее небольшим ростом и тоненькими хрупкими плечами это было тяжело, но она, удерживая лук бедром и коленом, справилась.

Али-Хаджи говорил, что не надо привязываться к оружию. Не надо давать имена клинкам, наделять луки человеческими качествами, не надо верить, что оружие узнает хозяина и связано с ним. Оно должно просто подходить.

Этот персидский лук ей подходил.

– «Восемь лап» или «Поход на Иерусалим»? – спросил разбойник и тут же заметил, как дрогнули губы девушки при слове «Иерусалим».

– Давай «Восемь лап». Как будто я знаю ноттингемские харчевни!

– В «Лапах» попроще, и там хорошенькая хозяйка, кругленькая такая.

Внимание в выбранной харчевне привлекала не только хозяйка – слишком пышная, но очень милотвидная блондинка – но и два пушистых рыжих кота. Блондинка с трудом протискивалась между тесно поставленными столами, коты неотступно следовали за ней, крутясь рядом, но не мешаясь под ногами. Народ только подтягивался в город на ярмарку, и посетителей пока было немного. Робин устроился за столом возле двери, коты тут же подбежали и стали тереться о его ноги и бодаться лбами.

– Не корми их со стола! – улыбнулась хозяйка. – Испортишь мне котов, привыкнут попрошайничать! Ишь как к тебе кинулись! Пусть мышей ловят!

Разбойник рассмеялся вместо ответа.

– Садись здесь, – кивнул он, указывая Ясмине на место рядом с собой. – Поешь обязательно, а то на турнире всегда очень устаешь и волнуешься, нужны силы.

– Волнуешься? Ты сам что, тоже волновался?

– Еще как! И силы береги. Сейчас тебя за мной все равно не видно, поэтому пока выдохни и не корчи из себя парня.

– Что?

– Когда мы ехали через лес, ты держалась, как женщина. А в городе вмиг стала парнем-подростком. Осанка, походка, движения. Женщина в мужской одежде – чаще всего дурацкая затея, а ты справляешься, – он повернулся к девушке, серые глаза заискрились. – Это такой врожденный навык охотничьих дочерей, да?

Многие ровесницы были давно просватаны – кто с девяти, кто с десяти лет. Ей уже исполнилось четырнадцать, и никто из окрестных женихов ни разу не заинтересовался. Кому нужна некрасивая девочка из бедной семьи? А черные шелковые волосы, тонкий стан и пышные бедра здесь у каждой первой. Отец научил ее стрелять из лука, много раз брал с собой в горы, показывал, где выслеживать муфлонов, рассказывал, как ведет себя горное зверье, а как – лесное.

Она до сих пор помнила вечер, когда к отцу пришел старик Али-Хаджи, живший на отшибе на самом краю их предгорного селенья. Жил он скромно, но в достатке. Чем занимается – никто не знал. Иногда к его дому подъезжали всадники, но никогда не задерживались даже на час. Всегда – только по ночам, всегда – на хороших лошадях. Однажды светлой лунной полночью она увидела, как к жилищу Али-Хаджи проскакал незнакомец на дивном текинском коне. Она знала, что такой конь, легкий, сильный, тонконогий, стоит больше, чем весь их дом со всем хозяйством и с парой отцовских верховых лошадей.

– Мир вам, Саид-ага, – негромко начал старик.

Она шла из овчарни, услышала начало разговора случайно – и замерла. Почему не прошла мимо, как ни в чем не бывало, ведь к отцу то и дело кто-то заходил? Почему замерла, почему остановилась, не дыша?

Отец откликнулся на приветствие.

– Я не буду ходить вокруг да около, хорошо? – голос у старика был неожиданно твердым и сильным. – Смотрю я на твою старшую, Саид-ага. И чем дольше смотрю – тем больше мне эта девочка нравится.

– Ты о чем?!

– Не о том. Мне за девяносто, куда мне? Помнишь, в том году вы пустили пожить приезжего, чтобы хоть чуть заработать, и через пару недель твоя старшая начала уверенно болтать по-арабски?

– Как не помнить.

– И на охоту ты ее берешь, значит, ловкая она, и с луком хорошо управляется. Росточка небольшого, и высокой уже не будет. Проворная, толковая, неприметная. Я бы взял ее и обучил хорошему делу, а тебе щедро заплатил бы. Подумай, у тебя еще три дочери, их надо поднимать.

– Что за дело? – отрывисто выдохнул отец.

Она знала эту его манеру. Раз начал так говорить – хорошего не жди.

– Трудное дело, на которое редко кто сгодится. Говорят, в мире беспокойно. Ловкие люди всегда нужны. Оказаться в нужное время в нужном месте, услышать важный разговор. Услышать разговор на чужом языке и понять его. Передать письмо. Не передать письмо, которое не должно быть передано. Быть незаметной или привлекать к себе взгляды – смотря что надо. Много думать и быстро принимать решения.

– Про плохие дела ты говоришь.

– Не бывает ничего плохого и хорошего, Саид-ага. А вот деньги точно дам хорошие.

– И опасно это.

– За баранами да муффонами по горным перевалам скакать – безопасно? Решай до утра, а я завтра к тебе загляну. И старшую свою спроси, захочет ли.

– Дочери я о нашем разговоре не скажу.

– Можешь не говорить, – усмехнулся старик. – Она все равно с самого начала прячется за углом, не дыша, и слышит каждое слово.

Распорядитель турнира заинтересованно посмотрел на девушку, но Ясмина ничуть не смутилась. Длинные черные волосы прятались под шапкой. Слишком тонкая талия и слишком пышные для мальчика-подростка бедра были скрыты широким плащом.

– Гюнтер? – переспросил распорядитель.

– Да.

– Тебе лет-то сколько?

– Пятнадцать. Скоро.

– Взрослый парень уже, а голосишко девчачий. Ладно, иди. Стреляешь после вон того лысого парня, запомнил?

– Да. А дальше?

– Дальше? – распорядитель ухмыльнулся. – Дальше пройдет только половина стрелков. А ты поедешь в свою деревню к маме.

Ясмина, сдержав усмешку, отошла в сторону и встала возле наскоро сколоченной загородки, отделявшей стрелков от зевак. Девушка увидела в толпе Робина, встретилась с ним глазами, улыбнулась в ответ. Она видела, что разбойник все понял – понял еще в каморке у Мэтта, когда Ясмина надевала на лук тетиву, когда упругий черный клен послушно прогнулся под ее обманчиво хрупкими руками. Быстро оглядев соперников, она чуть задержала взгляд на могу-

чем, богато одетом лучнике. Огюст Ламбер, предводитель наемников. Робин предупредил, что Ламбер – лучший стрелок в Ноттингеме, но Ясмину так помнила: этот выходец из Франции – прекрасный лучник.

Лысый парень перед ней вогнал стрелу в восьмерку. Ясмину шагнула вперед, к кольшку, от которого надо было стрелять. Быстро подняла лук и, почти не целясь, выпустила стрелу. Сорок ярдов – не то расстояние, с которого она может промахнуться. Стрела вошла точно в центр деревянной мишени, и девушка отступила назад, освобождая место у кольшка следующему лучнику. Огюст Ламбер заинтересованно проводил ее взглядом, но Ясмину была уверена, что узнать ее предводитель наемников не сможет. Чуть позже, когда очередь дошла и до него, Ламбер вогнал стрелу рядом со стрелой Ясмину. Еще три лучника попали в десятку, но чуть дальше от самого центра.

В следующий заход отобралась только половина стрелков. Мишень отодвинули, все снова сделали по выстрелу. Следующий заход, еще одно отодвигание мишени – и от двух дюжин стрелков осталось только трое. Огюст Ламбер, Ясмину и ладный статный парень, про которого Робин тоже рассказывал, – Сэм, командир ноттингемского гарнизона. Девушка быстро обернулась к публике. Главарь разбойников, встретив ее взгляд, словно невзначай махнул рукой, и Ясмину поняла, что он показывает ей ветер. Она кивнула и повернулась к соперникам. Сэм и Ламбер, насмехавшиеся над маленьким подростком перед началом турнира, сейчас держались совершенно по-другому. Первым стрелял предводитель наемников, его стрела впиалась почти в самый центр, на полдюйма правее. Командир гарнизона, наоборот, вогнал свою стрелу чуть левее.

– Я слышал, на прошлом турнире победителю пришлось расщепить чужую стрелу, – улыбнулась Ясмину. – А вы так любезны, что даже оставили мне место!

Через миг ее стрела дрожала ровно в центре мишени.

Монах Тук и косматый верзила Джон стояли у края поляны.

– Вы нас как поджидали! – главарь шайки остановил коня. Рыжую лошадь Теодора он вел в поводу, Ясмину ехала рядом на только что купленном кауром жеребце. Ненавистную шапку она сняла, как только оказалась за городскими стенами, и теперь длинные черные волосы ее просто рассыпались по плечам и спине.

– Да вы хохочете так, что за полмили слышно! – отозвался Джон.

– Я, кажется, впервые в жизни проехал через Шервудский лес безоружным, но с личной вооруженной охраной, – Робин спрыгнул с седла и кивком показал на Ясмину, за плечом которой были видны торчавшие из колчана стрелы. – Когда еще меня проводит победитель турнира лучников? Кстати, турнир-то тоже первый раз в жизни со стороны смотрел!

Ясмину, спешившись, погладила жеребца:

– Хороший, хороший. Повезло тебе, каурка, я легкая.

– Он это серьезно? – Тук переводил взгляд с разбойника на девушку. – Ты правда выиграла?

– Я бы не справилась, но Робин перед последним выстрелом показал мне, откуда ветер и сильный ли.

– Как это он тебе показал?

– Взглядом. Ну, я поняла.

– А надо было видеть рожи Ламбера и Сэма, когда вы остались только вдвоем! – засмеялся разбойник.

– И рожи стражников, которые все тебя выискивали среди лучников!

– Ты еще на шерифа не смотрела, а стоило бы!

– Я на мишень смотрела. И на тебя, – Ясмину взяла каурого под уздцы и направилась к навесу. Свободной рукой отбросила за спину мешавшие ей волосы, открыв ухо и тонкую шею.

Ухо. Все время до этого уши ее были не видны – то за длинными волосами, то под шапкой – и только теперь Робин заметил, что мочка у девушки когда-то была порвана. Давно или нет, понять было трудно.

– Ты говорила, что завтра с утра отправишься в Бирмингем? Это пара дней пути, – сказал он и, сам от себя не ожидая, добавил. – Поеду завтра с тобой, провожу.

– Нет, – покачала головой девушка. – Не надо.

Она вдруг остановилась посреди поляны, быстро обернулась к нему, заглянула прямо в глаза.

– Ясмина?

– Хорошо, что не успела коня расседлать. Будет лучше, если я уеду прямо сейчас.

– Не вздумай. Вечер. Ты с утра на ногах.

– Пойду прощусь с твоими друзьями. У тебя прекрасная шайка. И уверена, что ленты, которые ты купил, понравятся Марион, – Ясмина вскочила в седло.

– Да что случилось-то?

– Будь осторожнее. Да хранит тебя Аллах, разбойник.

Глава третья

Сэм, командир ноттингемского гарнизона, давно привык к громам и молниям, которые извергал шериф, если был недоволен. А сейчас шериф Ноттингемшира был не просто недоволен – он метался в ярости.

– Сначала обоз торговцев! Так к нам на ярмарки скоро перестанут ездить – кому захочется терять деньги, если до города невозможно безопасно добраться? Потом эти чертовы монахи! – рычал шериф, кружа по просторной, почти не обставленной комнате замка. – Епископ Герфордский в бешенстве от того, что собранное серебро не удалось довести. Да еще проклятый турнир лучников!

– На турнир-то он не явился, – осторожно вставил Сэм. – Струсил.

– Явиться не явился, а привет передал. Откуда там наш парнишка-победитель, из Йоршшира? – скривился шериф. – Чертов йоркширец, да он почти подпись поставил! Словно прислал вместо себя!

– Почему подпись?

– Этот проклятый разбойник сам родом из Йоркшира. Каким-то чудом спасся из деревни Локсли, которую разорили и сожгли из-за неуплаты податей. Робин Локсли, черт бы его побрал.

– Я повыспрашивал про выигравшего мальчишку, милорд. Никто его не видел раньше ни на каких турнирах. Что у него восточный лук – это понятно, парень хлипкий. Но он и тетиву по-сарацински захватывает, заметили?

– Сэр Гай Гисборн! – звонко доложил слуга. И тут же, не дожидаясь ответа и приглашения, в комнату уверенным шагом вошел человек в дорогой, но совсем простой на вид котте и такой же дорогой, но совсем простой рубашке. Сверху, несмотря на летнее тепло, был наброшен плащ. Видно было, что вошедший только что с дороги.

– Приветствую, сэр Гай, – обратился к нему шериф. – Весть о вашей победе на рыцарском турнире в Бирмингеме донеслась сюда раньше вас. Впрочем, у меня не было никаких сомнений на этот счет.

– Благодарю, – отозвался вошедший.

Это был высокий плечистый мужчина лет тридцати с небольшим, очень крепкий, притягивающий взгляд, с прекрасными пепельными волосами и правильными чертами лица. Внимательные светло-голубые глаза скользнули по лицам шерифа и начальника стражи.

– Что вы задумали?

– Что я ценю в вас, Гисборн, так это вашу прямоту. Едва вошли – и сразу к делу.

– Я должен был сначала расспросить о погоде в Ноттингеме?

– За неделю, что вас не было, в Шервудском лесу ограбили монахов из Ньюстеда и обоз торговцев. А может, и еще кого-нибудь, – мы можем далеко не все знать, ведь вовсе не каждый ограбленный рассказывает об этом. Пора найти это разбойничье логово.

– В очередной раз? – Гисборн с явным сомнением покачал головой. – Найти его лагерь? У нас не хватит людей, чтобы прочесывать лес. А другого способа нет. Его лагерь слишком хорошо укрыт. Локсли беспечен, когда отвечает лишь за себя, но становится очень осторожным, если речь не только о нем, а о его людях.

– Кто-то же наверняка должен знать дорогу.

– Думаю, затею с лагерем лучше оставить, – сэр Гай снова перевел взгляд с шерифа на Сэма. – Да и не нужна нам вся шайка, лишняя возня только. Хватит и главаря.

– Мы сделаем так, что его возненавидят. И тогда сразу сдадут, – шериф стремительно шагнул к окну, резко развернулся и снова метнулся к столу.

– Это как же?

– Каким там деревням чаще всего помогает их шайка? Лакстон, Эдвинстоу, Папльвик? Схватить по несколько человек оттуда, без разбора. Объявить на каждом перекрестке, чтобы все услышали, что будем вешать по одному каждый день, пока нам не выдадут Робина Локсли.

– И что будет? – прервал его Гисборн. – Локсли явится сам, как только узнает. Глазом не моргнув, сдастся страже и пойдет на виселицу. Не удивлюсь, если до последней минуты станет горланить какую-нибудь непристойную песенку, – он позер и шут до мозга костей.

– Пусть горланит.

– Ну хорошо, пусть. Мы его повесим. И через несколько дней появятся новые баллады о кровавой власти, о жестоком шерифе и о том, как держался перед казнью народный герой. А держаться он будет на загляденье. Еще и беспорядки поднимутся. А вас станут ненавидеть вдвойне. И так-то не сильно любят.

– Баллады запретить! – прорычал шериф.

– Нельзя запретить стихи. То есть можно, но толку-то? – Гисборн без приглашения опустился на грубый дубовый стул и вытянулся, откинувшись на спинку. – Нет, разбираться с ним надо осторожно, не поднимая лишнего шума.

– Пьяная драка в харчевне, пара хороших ударов ножом? – оживился Сэм. – Или просто – удавка на шею в темном закоулке?

– Вызов, – ответил сэр Гай, покачиваясь на стуле.

– Что?

– Придумать дело, с которым может справиться только он. Кинуть ему эту кость – и он ее проглотит. Локсли – позер, повторяю. Он даже оленя не может застрелить просто так, ему надо вогнать стрелу ровно в середину какого-нибудь пятнышка на груди несчастного зверя.

– Не понимаю, чем удавка на шею не нравится.

Гай Гисборн, поднявшись, спокойно обернулся к командиру гарнизона, потом взглянул на шерифа:

– Я хочу, чтобы человек, соблаздивший и обесчестивший мою сестру, умер от моей руки.

– Вы потому и не желаете, чтобы мы нашли лагерь? – осторожно спросил шериф. – Из-за леди Марион? Обещаю, вашу сестру мы не тронем.

– Сестры у меня больше нет, – Гисборн резко вскинул голову, – а судьба любовницы разбойника меня совершенно не интересует.

– Но убить Локсли вы хотите своими руками.

– Мой долг бейлифа – поддерживать порядок в Ноттингемшире. Если надо, силой. Что до Марион – я хочу отомстить за свою сестренку, какой она была и какую никто у меня не отнимет. Поэтому я против убийства в подворотне, хотя так было бы проще всего. Считайте это личной просьбой. Надеюсь, у меня есть такое право.

Никто из собеседников ему не ответил.

Марион. Голубоглазая крошка Марион, любимая младшая сестренка. Ему никогда не было по-настоящему интересно с ней: пятнадцать лет – огромная разница. Но он любил ее, да и она его тоже. Растрепанные пепельные косы, заплаканные глаза, – она всегда пускалась в рев из-за любой ерунды:

– Гай, ты ведь вернешься? Тебя не убьют в Палестине?

– Конечно, вернусь. Обещаю.

Марион едва исполнилось четырнадцать, когда Гай вместе с королем Ричардом уехал на восток, а к его возвращению сестренка стала первой невестой Ноттингемшира. Громкое имя, величественная осанка, их фамильные голубые глаза: у него – холодные и уверенные, у нее – наивные, нежные.

В честь приезда Гая со Святой земли решили устроить охоту. Кабаны, косули и олени были запретной дичью, по лесному закону эта добыча принадлежала только королю, и за бра-

коньерство полагалась смерть. Но охотиться на лис Гисборны имели полное право – а этих рыжих зверей в лесу тоже хватало.

Собственных егерей и ловчих Гисборны давно не держали: из-за постоянных налогов на крестовые войны пришлось отказаться от многих привычных вещей. Услуги королевского лесничего тоже стали не по карману. Охоту вел молодой лесник, по слухам, недавно перебравшийся из Йоркшира, – примерно ровесник Гая, очень светлый блондин на броском чубаром коне. Был сухой и ясный день, редкий для ноября. Гай любовался и последними перед зимой проблесками солнца, и сестренкой – она была с ног до головы одета в голубое, и даже на голову набросила небольшой голубой платок, легкий и тоненький, как паутинка.

Всадники в сопровождении собак двинулись от фамильного замка, что был неподалеку от Ноттингема, к чаще. Гай заметил, что лесник с интересом поглядывает на Марион.

– Эй, даже не вздумай, – грубо рассмеялся ему в лицо рыцарь. – Она не для тебя.

Никогда не надо заговаривать с чернью, никогда. Гай знал, но просто вскипел от возмущения и не справился с собой. Лесник, не ответив, направил коня вперед. В седле он держался так, словно родился и вырос прямо на этом чубаром.

Гончие, подняв лисицу, выгнали ее из леса, рыжий зверь помчался по полю, всадники и собаки бросились следом. Лиса боролась до последнего, не сдавалась, отчаянно норовила улизнуть снова в лес, но собаки неизменно выгоняли ее на открытое место. Гай летел, не разбирая дороги, кровь бурлила от скачки и скорости, от погони, близкой добычи, близкой крови. Лисица металась на первом снегу, словно язычок пламени. Наконец гончие настигли ее и стали рвать. Гисборн, подоспев вовремя, наклонился с седла, выхватил зверя прямо из собачьей пасти и победоносно поднял лису вверх. Охота была окончена, но собаки не унимались, клубок гончих со звонким лаем вертелся под копытами лошадей. Гая это вдруг взбесило: разгоряченный погоней, он не сдержался и рявкнул мальчишке-псарю:

– Да уйми уже своих шавок!

Выхватив хлыст, Гисборн замахнулся на парня.

До сих пор он уверен: не будь рядом красавицы Марион, лесник спокойно дал бы ему отхлестать нерасторопного мальчишку. Но вышло иначе.

Никогда не надо поднимать руку на чернь, никогда.

Быстрым легким движением лесник поймал хлыст. Лесник, в отличие от Гая, был без перчаток. Конец хлыста туго обвился вокруг его левой ладони, впиваясь в незащищенную кожу. Гисборн видел, что этому парню из Йоркшира огромных усилий стоило сдержаться и не закричать.

– Это же совсем ребенок, – спокойно, даже мягко сказал лесник, отпуская плеть.

Собаки присмирели. Гай двинулся обратно к замку, остальные направились за ним, чуть отстав. У моста, почти у самых стен замка, он обернулся и тихо выругался: левая кисть лесника была наскоро замотана тонким голубым платком. Гисборн до сих пор не мог себе простить это «она не для тебя», брошенное почти в шутку. Промолчи он тогда, может, все сложилось бы по-другому.

Лесника он выжил из деревни почти сразу – где уж какому-то там отребью тягаться с бейлифом. А с началом зимы нападения на путников в Шервудском лесу, давно всем привычные, вдруг стали реже и бескровнее, словно свирепую шайку кто-то подменил.

В декабре на предрождественской ярмарке Гай купил серебряный рог для отца, уже почти не встававшего с постели, и изящный молитвенник в бархатном переплете – для Марион. В замок вернулся поздно вечером. Старика тревожить не стал, а вот вручить подарок сестренке ему не терпелось – он так долго искал переплет ее любимого цвета, светло-голубого, как его и ее глаза.

С книгой в руках Гай взлетел по каменной лестнице наверх, в башенку, где была комната Марион. Дверь оказалось закрытой, но сквозь щель сочился золотистый свет, значит, сестра еще не легла.

– Марион! – постучал он.

Ответа не последовало.

– Марион, малышка, открой! Я совсем ненадолго. У меня для тебя подарок!

Никто не отвечал.

– Марион!

– Гай? – тихо откликнулась она, не отпирая. – Ты что так поздно? Я уже легла, мне нехорошо. Завтра увидимся. Спокойной ночи.

Ничего дурного ему не пришло в голову.

– Марион, что с тобой? Позвать тебе Айлин? Открой, или я вынесу эту дверь к чертям!

Он действительно легко выбил бы крепкую дубовую дверь одним ударом плеча.

С той стороны послышались шаги, скрипнул засов. Сестра в тоненькой сорочке стояла на пороге.

– Ты что бушуешь? – растерянно улыбнулась она, не пропуская его в комнату.

Отстранив ее, Гай шагнул внутрь. Он не думал ни о чем плохом, просто испугался за сестру. В комнате никого, кровать смята – Марион действительно уже легла. Из распахнутого крошечного окошка тянуло ледяным ветром, напротив окна висел дурацкий деревянный щит, обтянутый кожей, – почему-то он нравился сестре.

Гай слышал много историй про окна в комнатах неверных жен, но в это окно не то что человек – не всякая кошка протиснулась бы. Да и никому не забраться по глухой каменной стене.

– Иди, иди, – Марион потянула его к двери.

– Ты что меня выпроваживаешь? – засмеялся он.

– Мне плохо, я хочу лечь.

– Побывать с тобой? – снова всполошился Гай. – Или позвать Айлин?

– Отойди от окна! Уходи, все в порядке! Я побуду одна. Уходи, оставь меня!

– Окно хотя бы закрой. У тебя очень холодно.

– Гай! – взмолилась она. – Отойди от окна! Мне плохо, я хочу остаться одна! Окно открыто, потому что мне нечем дышать!

Он повернулся к двери, так и не отдав сестре молитвенник. Ничего, отдаст завтра. Марион одна, стена неприступна, окошко крошечное, и нездоровой сестра совершенно не выглядит. Кто их разберет, этих молоденьких девушек.

– Да уходи уже! Спокойной ночи!

Гай шагнул к двери и услышал сильный глухой удар за спиной. Он молниеносно обернулся, успев за долю мгновения выхватить кинжал из ножен.

В щите напротив окна дрожала стрела.

Он отшвырнул сестру подальше от окна, быстро захлопнул деревянные створки – и только потом понял, что это вовсе не нападение. Стрела была обернута тонким листком дорогой, еще очень редкой бумаги.

Марион сидела на постели, закрыв лицо ладонями. Гисборн выдернул стрелу из щита, разорвал нитку на бумаге, развернул листок, быстро пробежал его глазами и встал в дверном проеме, скрестив руки на груди.

– Он еще и грамотный.

Сестра рыдала, спрятав лицо за волосами. Гай мысленно представил себе место, откуда сделан выстрел. С такого расстояния почти невозможно попасть в крошечное, высоко расположенное окошко.

Почти.

Он вышел из комнаты, сбежал по лестнице вниз, сделал несколько шагов по длинному коридору:

– Айлин, принеси мне оставшееся вино и две кружки. Быстро.

Когда Гисборн вернулся, Марион все так же сидела на кровати и рыдала. Он налил вина, сел рядом с сестрой, протянул ей кружку. Покосился на щит и увидел, что тот весь в дырах. Эта стрела была далеко не первой.

– Не плачь. Как все случилось? Он взял тебя силой?

Сестра не отвечала.

– Марион?

– Нет, нет!

Гай отхлебнул сам, потом сунул кружку в дрожащие руки Марион. Ее трясло, она еле сделала пару глотков, отдала кружку и зарыдала еще громче.

– Есть цистерианское приорство в Кирклисе, тебя там с радостью примут. Есть Огюст Ламбер, который уже не раз просил твоей руки. Думаю, его не смутит, что он окажется не первым.

Он ожидал пощечины и был бы, пожалуй, даже рад, но сестра по-прежнему рыдала.

– Выбирай.

– Что ты скажешь отцу? – еле слышно прошептала Марион.

– Правду. Ну? Монастырь?

– Нет...

– Ламбер?

Марион, не отвечая, снова зарыдала.

– Нет!

– Хорошо. Одевайся.

Гай принес удобную и крепкую кожаную сумку, осторожно переложил в нее все украшения, доставшиеся Марион от матери. Добавил пару золотых монет – в последнее время Гисборн начал хорошо зарабатывать на рыцарских турнирах, он был прекрасным воином. Встряхнул сумку. В ней оставалось еще немного места. Гай положил туда новый молитвенник в светло-голубом бархатном переплете и затянул шнурок.

– Держи. Одевайся, я сказал. Быстро.

Спустившись в конюшню, Гисборн сам оседлал любимую лошадь Марион – светло-серую, почти белую молодую кобылу. Снова поднялся наверх и, взяв сестру за руку, повел ее вниз по лестнице.

– Куда ты меня ведешь?

– На конюшню, леди. Ваша лошадь оседлана. Разбойников, как я понимаю, вам нечего бояться.

Марион не прекращала рыдать. Даже сейчас – с красным лицом, распухшими глазами и дрожащими губами – она была прекрасна. Неприбранные пепельные волосы струились по плечам, падали на нежные щеки. Гай помог сестре сесть в седло, перебросил через ее плечо сумку, потом взял лошадь под уздцы и вывел во двор.

– Что ты делаешь?

– Напоминаю вам путь, леди.

Он перевел лошадь по мосту через ров, отдал повод Марион. Развернулся, вернулся в замок.

И приказал опустить решетку ворот.

Глава четвертая

Темный пенящийся эль плескался на дне кружки.

– Давай-ка еще тебе подолью, а?

– Робин, ты меня решил напоить?

– Не до беспамятства. Но ты, когда пьян, так забавно рассказываешь! Так что там случилось дальше, кто из рыцарей дошел до последнего боя на турнире?

Бродячий менестрель Алан был частым гостем в лагере разбойников и всегда привозил новости и свежие сплетни не только из Ноттингема, но и из половины Англии.

– В последнем бою сошлись Эдвард Ли и Гай Гисборн.

– Эдвард Ли? – переспросил Робин.

– Сын того самого Ричарда Ли, которому ты помог выкупить заложенный замок. Я еще тогда написал про это балладу, которую теперь по всей Англии поют! – гордо заявил менестрель. – Помнишь?

– Помню. И стоило двум здешним рыцарям ехать в Бирмингем, чтобы там подраться?

– Но это было захватывающе! Оба были уже измотаны, но они же оба – мастера! Каждый, думаю, перед началом схватки прикинул цену коня и доспехов противника. Сам-то последний бой, хоть и стал сражением двух сильнейших участников, не был лучшей схваткой турнира – до этого сэра Гая сражался с нормандским воином, и вот то был всем боям бой. А с Эдвардом Ли они уже оба слишком устали.

– И что?

– Сначала обменялись быстрыми ударами, но оба удержались в седле. Развернулись, дождались команды и снова бросились навстречу друг другу. Снова оба ударили точно и оба удержались. Только на третий раз Гисборну удалось выбить противника из седла. Видно было, что сил у сэра Гая почти нет, но ему оставалось-то всего лишь выбрать королеву турнира. И вот тут он учудил! – менестрель снова замахал руками. – Представляешь, что он выдал?

Желание было только одно – не грохнуть с коня прямо сейчас. Давно победы не давались ему так тяжело. Чертов нормандец измотал почти до последнего. Ничего. Доспехи и лошадь нормандца, сэра Эдварда Ли и остальных сегодняшних противников – неплохая добыча. На турниры Гай Гисборн приезжал именно за добычей. Хотя, конечно, и сражаться любил. Глупо постоянно лезть в бой, если не получаешь удовольствия от схватки.

Каждый раз, разгоняя коня навстречу очередному противнику, он представлял себе одну и ту же картину: вскинутая рука с намотанным на кисть хлыстом и серые глаза, прищуренные от резкой боли. Гай направлял коня и поднимал копье, видя перед собой это лицо, – и никогда не промахивался.

Сейчас оставалось продержаться совсем чуть-чуть, несколько минут. Выбрать королеву турнира, ту, из чьих рук он получит награду. Силы небесные, да какая разница? Все они одинаковы. Он окинул взглядом места для благородных дам. Молоденькие дочери окрестной знати – рыцарей и благородных землевладельцев. Нарядные, в лучших платьях. Заинтересованные, выжидающие. Русые, белокурые, золотистые, с рыжиной, каштановые. Какая разница. Все одинаковы. Хорошенькие и не очень, совсем юные и постарше, уже засидевшиеся в девках. Все одинаковы. Каждая легко побежит за первым встречным лесником, пастухом или мельником, стоит только поманить. Гисборн проехал мимо рядов для знати, не задержавшись ни на миг, и обернулся к загородке, где стояла публика попроще. По правилам турнира он мог выбрать королеву из любого сословия. Гай скользнул взглядом по толпе простолюдинов – девушки тут были куда веселее – и вдруг словно споткнулся. Смуглое тонкое лицо – непохожее на другие лица, некрасивое, тревожное. Грошовой платье. Длинные черные волосы. Ухо со шрамом.

Женщина стояла вполоборота к нему, и это порванное ухо было очень заметным. Поймав взгляд, она развернулась и посмотрела на Гая в ответ – с быстрой уверенной улыбкой, но без всякого кокетства.

Что там несут эти менестрели о глазах? Звезды, алмазы? Чушь полная. Не звезды, не алмазы, – клокочущая черная смола с крепостных стен.

Она легко нашла в Бирмингеме нужный дом, потом дождалась, когда стемнеет, и неслышно обошла здание пару раз, запоминая все окна и двери и пытаясь представить себе, как дом устроен внутри. Хорошее, добротное, богатое жилье удачливого торговца. Господские комнаты, конечно, на втором этаже. Невысоко. Если потом уйти по лестнице не получится, то из окна можно будет выпрыгнуть на улицу. Тупика там нет, надо будет сразу броситься направо – и улица приведет к рыночной площади, где легко затеряться. В доме есть прислуга. Что это за прислуга, сколько человек? Она видела только тех, кто выходил наружу: молоденькую девчонку, бегавшую на рынок, – наверное, кухарку, – да женщину постарше, выводившую куда-то двух крохотных девочек. Кормилица, няня? При виде девочек она дрогнула, но тут же снова собралась. Нет. Никакие маленькие дети ничего не изменят. А молоденькая кухарка, наверное, и к вечеру выскочит на рынок, надо бы ее подстеречь.

Вечером она знала почти все. И вряд ли у юной кухарки вызвал хоть какие-то подозрения бойкий черноглазый мальчишка, дотащивший ее корзинки от рыночной площади до самого дома. Прислуги в доме мало – кроме кухарки, есть еще горничная, которая заодно смотрит за девочками, да старый слуга, он же конюх. Сам хозяин в Бирмингеме бывает нечасто, сейчас он в замке в Нормандии и вернется только к концу сентября. Ехать в Нормандию было слишком глупо и дорого. Снова пересекать полстраны и перебираться через пролив? Нет уж, правильнее – дожждаться в Англии. Только, конечно, не здесь, – лишний раз попадаться на глаза горожанам на бирмингемских улицах совсем не надо. Ничего, у нее есть время подумать, куда деться до конца сентября.

Конец сентября. Еще три с лишним месяца. Ну что ж. Ты только вернись. Не свались там с лошади во время охоты в своем нормандском замке. Не подохни от холеры, хлебнув сырой воды из подозрительного колодца. Не подайся в какой-нибудь дальний поход – хотя это вряд ли, ты достаточно потрепан и Палестиной. Вернись под конец сентября в свой дом в Бирмингеме.

И тогда, Зигфрид Мазер, ты пожалеешь, что родился на свет.

Пойти посмотреть на рыцарский турнир, да еще в женском платье, было, конечно, неосторожностью. Хорошо, что она быстро улизнула, как только вручила рыцарю венец победителя. Сейчас, снова переодевшись подростком, Ясмине шла от рыночной площади к дешевому постоялому двору, где она остановилась сама и оставила лошадь.

– Гюнтер! – воскликнул кто-то рядом.

Девушка не сразу поняла, что обращаются к ней, но, спохватившись, быстро обернулась.

– Гюнтер! – оружейник Мэтт радостно махал ей рукой. – Господь все-таки услышал мои молитвы! Я уж не знал, что делать! – уже тише произнес он, подбежав к Ясмине.

– Мэтт? Что случилось?

– Пойдем-ка отсюда, – оружейник быстро осмотрелся по сторонам и двинулся вперед по улице. Было видно, что он хорошо знает город. Через несколько минут Мэтт завел Ямину в глухой закуток между двумя домами.

– Тут нас никто не услышит.

– Да что случилось?

Но вместо ответа оружейник только забрасывал ее вопросами:

– Ты тут один? Где Робин, где остальные? Ты верхом? Лошадь свежая?

– Мэтт, Мэтт, не так быстро! Что случилось? Я один, Робин и остальные в Шервуде. Лошадь весь день отдыхала, свежая.

– Так, парень. Вчера ко мне в лавку заходили стражники шерифа, выбирали себе всякую мелочь – ножи, кинжалы... стрел еще взяли, самых дешевых, которые черт знает куда летят. Так они, пока все перебирали, друг с другом болтали. Послезавтра рано утром – то есть теперь это уже завтра, Гюнтер! – по дороге через лес двинется монастырская крытая повозка, где всего-то будет один безобидный монах, правящий конягой. Только этим одним будет один из лучших стражников, надевший сутану. А еще несколько вооруженных бойцов спрячутся в повозке. Робин ненавидит церковников, он точно на это клюнет. И он, и Скарлет – прекрасные воины, но их будет всего двое.

– Завтра утром? – быстро переспросила Ясмينا.

– Да. И ведь никак его не предупредить было! Я бы кинулся в лес, но кто знает, где его искать?

Она растерянно заморгала, понимая, что со стороны сейчас смотрится дурочкой. Точнее, дурачком.

– Я не мог его предупредить. Никак, – Мэтт покачал головой. – Я не знаю, где ваш лагерь. Да кому я говорю? И этот белобрысый черт появляется в Ноттингеме только тогда, когда сам захочет. У меня нет никакой связи.

– Понимаю, Мэтт, – кивнула девушка. – Спасибо. Я постараюсь успеть. Хорошо, что мы встретились.

– Я привозил товар на рыцарский турнир, – улыбнулся оружейник. – На турнирах всегда все влет уходит. Да и купить много чего можно по дешевке.

– Ну еще бы. Кстати, спасибо, твои стрелы летели, куда надо.

– Потому что ты направлял их, куда надо. И не поспешил, выбрал самые хорошие.

– Ага, – Ясмينا незаметно поправила плащ, скрывая фигуру. – Мне пора, Мэтт. Если к утру надо быть в Шервуде, то я должен выехать прямо сейчас.

Вернувшись на постоялый двор, девушка быстро расплатилась с хозяином, потом забрала на конюшне своего жеребца. Отдохнувший, сытый и ухоженный, он еще не знал, что его ждет в ближайшее время.

– Эх, каурка, извини, – она потрепала лошадь по холке. – Но мы же справимся?

Ночной дороги Ясмينا не боялась, сбиться с пути тоже не опасалась – старому Али-Хаджи пришлось повозиться, пока он научил девочку уверенно ориентироваться где угодно, зато теперь ей не страшны были даже совсем незнакомые места.

Когда она выезжала из Бирмингема, уже начало темнеть. Едва городские стены растаяли за спиной, девушка сняла шапку, выпустив на свободу поток смоляных волос.

– А теперь вперед, каурка! – прищурилась она и, разогрев жеребца быстрым шагом, перевела его в галоп. До лагеря в Шервудском лесу было больше сорока миль, и если в Бирмингем Ясмينا, не торопясь, спокойно доехала за пару дней, то сейчас надо было успеть к утру. Каурый вынослив и должен справиться, несколько часов шага с галопом конь выдержит. А в себе она не сомневалась.

– Ты глянь, опять августинцы, – усмехнулся Скарлет, увидев повозку и монаха, управлявшего чахлой лошадей. – Точнее, один. Ничему их жизнь не учит.

– А тяжелая повозка-то, – откликнулся Робин. – Ты посмотри на лошадь, она еле тянет. Что они могут везти из города?

– Несколько бочек вина купили на базаре?

– Да у них вроде свое, монастырское. Тьфу, кислятина.

– А, ладно, что гадать! – Скарлет, вытащив из ножен два длинных кинжала, смотрел, как медленно приближается телега. – Как обычно?

– Да, – отозвался Робин, надевая на лук тетиву.
Монастырская повозка оказалась совсем рядом.

Это было одно из самых удобных мест для нападения: лес подходил к дороге так близко, что разбойники могли быстро перекрыть телеге путь, и среди деревьев можно было привязать лошадей. Скарлет и Робин любили поджидать кого-нибудь именно на этой крошечной полянке, на пути из Ноттингема. На дороге, ведущей к Йорку, проезжих караулили обычно Эмиль и верзила Джон. Охотник Дик никогда не присоединялся к грабежам, его делом было настрелять дичи и наловить рыбы на всю шайку. А вот резвый подросток Теодор давно рвался поучаствовать в нападении, но Робин старался его не втягивать – и юный Тео оставался в лагере, занимаясь лошадьми. Работы ему всегда хватало с головой.

Главарь разбойников быстро проверил тетиву и, поймав взгляд напарника, кивнул. Через несколько мгновений оба уже стояли на дороге прямо перед повозкой.

– Доброе утро, святой отец, – весело начал Робин. – Куда путь держите, что везете?

Он привык, что на этой фразе монахи обычно цепенеют и теряются. Вряд ли от слов – скорее, при виде его длинного лука и кинжалов Скарлета. Но бравый августинец, правивший повозкой, не дрогнул.

– Помолитесь-ка, пока целы, – ухмыльнулся он.

И в тот же миг из повозки хлынули стражники. Их было пятеро – защищенных кольчугами и шлемами, вооруженных уже взведенными арбалетами. Да еще и шестой, правивший колымагой.

Робин почувствовал, как во рту тут же пересохло. Кидаться обратно в лес было поздно. Взглядом или кивком он мог отослать хотя бы напарника, стоявшего намного ближе к краю дороги, но Скарлет точно был не из тех, кто бросает в драке.

– Спокойно, – негромко, но отчетливо сказал Робин, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал ровнее и тверже. – Мы всех вас отпустим и никого не тронем, если вы не будете дергаться.

Чертова самоуверенность, ну почему он не держит наготове хотя бы две-три стрелы? Одна, лежащая на тетиве, – это один арбалетчик. Но глупо надеяться, что остальные пятеро промажут все сразу, стреляя с очень небольшого расстояния. Он выждал долю мгновения, понимая, что всего лишь случайный резкий жест – и начнется свалка. Потом краем глаза поймал движение одного из стражников, заметил направленный на Скарлета арбалет – и отпустил тетиву. Стрела вошла ровно в прорезь для глаз на шлеме бойца, и в следующий миг разбойник рыбкой бросился на траву, уклоняясь от арбалетных болтов – два впились в землю совсем рядом. Уилл Скарлет сбоку проделал то же самое. Еще через миг Робин был уже на ногах. Он успел, поднимаясь, выхватить из колчана две стрелы и теперь быстро повернулся к стражнику, еще не разрядившему арбалет, – но тот, шатаясь, уже оседал на траву.

Из глаза бойца торчала стрела – короткая стрела оружейника Мэтта, отлично подходящая для восточного лука. Рядом невесть откуда взявшийся юный Теодор колотил дубиной стражника в монашеской сутане – единственного, на ком не было шлема. Кольчуга, правда, под сутаной явно была, но лжемонаху, получившему несколько хороших ударов по голове, она не помогла.

– Эй, дочь охотника, – крикнул Робин, не оборачиваясь, – ты ведь всех троих держишь на прицеле?

– Конечно.

– Спасибо. Слышали? Кто шелохнется – получит стрелу в глаз. Тео, оставь его, хватит. Скарлет, мы докатились, нас выручают женщины и дети.

– Ты их что, хочешь отпустить? – проворчал Уилл.

– Да. Пусть передадут привет шерифу, – он обвел взглядом трех оставшихся стражников. – А я ведь обещал: все уцелеете, если не будете дергаться. Бросайте оружие, снимайте кольчуги и шлемы. И давайте веревки. Вы же нас собирались чем-то вязать?

– Тео? – Скарлет быстро подхватил побелевшего подростка. – Что такое? Тебя задели?

– Нет. Я... я его убил? – Теодор растерянно кивнул на стражника с окровавленной головой, лежавшего у повозки.

Разбойник, наклонившись к лжемонаху-стражнику, отвел в сторону ворот сутаны, приложил пальцы к шее бойца и через некоторое время кивнул:

– Похоже на то.

Робин тем временем связал оставшихся бойцов.

– Все, Ясмина, спасибо, – кивнул он девушке, и та опустила лук. – Спешилась бы пока. Мы еще их к повозке привяжем. Кстати, нет ли все-таки чего-нибудь хорошего в ней?

– Тьфу, хватит уже на сегодня, – снова заворчал Скарлет. – Тео, выше хвост, ты отлично держался.

Ясмина покачала головой:

– Ну нет, если я сейчас слезу с седла – вы меня потом все втроем обратно не закинете.

Разбойники уложили трех убитых в повозку, а трех оставшихся стражников связали так, что те могли только еле-еле семенить за лошадью.

– Шерифу привет и низкий поклон, – Робин помахал вслед телеге. – Так. Скарлет? Что у тебя с рукой?

– Этот, которого Тео прикончил, задел клинком. Ерунда, чуть тронул.

– Тео? Что такой зеленый?

– Он в первый раз убил человека, – ответил за подростка Скарлет.

Сам Теодор ничего сказать не мог – у него свело горло.

– Все, поехали. По пути расскажешь, как ты тут оказалась, – Робин взглянул на девушку.

– Будешь в городе – принеси Мэтту бочонок хорошего вина. Мы случайно встретились в Бирмингеме, и он передал мне разговор стражников.

– А, вот почему у тебя лошадь еле живая.

– Я и сама не очень.

– Терпи, уже скоро, – Робин, придерживав своего чубарого, пропустил вперед Тео и Скарлета, а сам двинулся рядом с Ясминой. – А теперь скажи мне правду, дочь охотника, – чем ты раньше занималась?

– Почему ты спрашиваешь?

– Я видел, как ты их держала на прицеле. Ты делала это не в первый раз. И даже не в десятый.

– Ага.

– Чем ты занималась?

– Грабила караваны и обозы.

– Пресвятая Дева, и я ведь верю. И кто ж тебя на такое отправил?

Ясмина снова улыбнулась:

– Юсуф ибн Айюб, он же Салах ад-Дин. Но вы, саксы, этого выговорить не можете – и называете его просто Саладином.

Глава пятая

– Видели бы вы это! – монах Тук сделал еще один виток, закрепляя полотняную полосу на запястье рыжего разбойника.

– Да хватит уже! – зашипел Скарлет. – Дай тебе волю, ты меня всего с ног до головы замотаешь!

– Не вырывайся. Так вот, вожусь я спокойно в шатре, разбираю свои травки, вдруг – топот за спиной. Влетает эта крошка на всем скаку прямо на середину поляны, я выбегаю из шатра, а она, не спешиваясь, накидывается на меня с расспросами, кто на той дороге и давно ли ушли. Ну и началось: Марион – в слезы, Тео – за дубинку...

– Мы тут слышали, что сэр Гай Гисборн, выигравший на турнире в Бирмингеме, выбрал королевой черноволосую восточную женщину, то ли мавританку, то ли сарацинку, – Робин, стоявший у входа в шатер, в упор посмотрел на Ямину.

– Точно, – рассмеялась она. – Но он перед этим пропустил довольно сильный удар по голове, – девушка улыбнулась и, быстро поднявшись, шагнула к выходу из шатра. – Пойдем со мной, а?

– Что?

– Ненадолго, на пару слов. Хочу тебе предложить неплохую сделку.

– Что-то, чего ты не можешь сказать при Скарлете и Туке? – разбойник склонил голову набок, серые глаза его заблестели. – Говори тут, у меня нет от них секретов.

– Ну хорошо, – Ямина снова опустила на пол, застеленный бобровыми шкурами. – Так получилось, что мне надо пробыть в Англии до конца сентября, а то и дольше. И я ищу себе пристанище, которое готова честно отработать.

– И что же?

– Я неплохая лучница, ты это знаешь. Сносно бросаю ножи, быстро ориентируюсь где угодно, вынослива и могу быть толковым посыльным, если надо. Разбираюсь в картах и звездах, хорошо говорю по-французски и по-арабски. И легко переношу самую противную вахту – перед рассветом.

– А как насчет вышивки золотыми нитями и прядения шерсти? – очень серьезно спросил Робин. – Или хотя бы игры на лютне?

– Что? – растерялась Ямина.

Главарь разбойников в упор посмотрел на девушку:

– Под утро охранять лагерь должен был Скарлет, но он пусть отдыхает. Так что будешь ты. Через три часа после полуночи сменишь Эмиля и останешься до рассвета. Для начала с тобой побудет Дик – ты в Англии недавно, здешних лесных звуков не знаешь, и ухо местного охотника не помешает. А пока – со мной на дорогу из Ноттингема. Еще весь день впереди, дорога людная, без добычи не останемся.

– Ты позволишь мне взять чью-нибудь лошадь? Мой каурый еле живой, заставлять его сейчас куда-то скакать – бесчеловечно.

– А тебя?

– Ну, я-то догадывалась, на что иду.

– Возьми кобылу Теодора. Пресвятая Дева, она догадывалась! А я во что ввязался?

– Робин! – заворчал монах. Продолжать вслух Тук не стал, но главарь его понял – он и сам видел, что девушка совершенно измотана и держится только на упрямстве.

– Прости, – улыбнулся он Ямине. – Прости, занесло.

Она молча улыбнулась в ответ.

– А в одиночку грабить несподручно. Так что сегодня пусть едут через лес спокойно, – начал разбойник.

Топот копыт прервал его на полуслове – к шатру во весь опор подлетел Эмиль.

– Прядильщица, – еле выдохнул он, ловя воздух. – Прядильщица из Лакстона.

– Рыженькая такая? – вскинулся Робин. – Что с ней случилось?

– Не с ней, – Эмиль замотал головой, сбившись с мысли. – Она плачет. С ее братом.

Схватили. За браконьерство.

Робин тихо выругался.

– Говорил же – не попадаться! – он быстро развернулся к выходу из шатра. – Скарлет...

– Без него обойдешься, – заворчал отец Тук. – Кровь только остановилась.

– Обойдусь, – кивнул разбойник. – Эмиль, крикни Тео, пусть оседлает Ясмине свою рыжую. Сколько их там?

– Да один у нее брат!

– Стражников сколько? Джон где, остался в Лакстоне?

– Восемь. Джон да, прядильщицу успокаивает.

– Еще бы. Кудрявая, статная. Я б такую тоже успокоил, – Робин протянул руку Ясмине, помогая ей подняться с бобровой шкуры. – Вперед. Далеко уйти они не могли, надо не выпустить из леса. И сейчас мне правда нужен хороший лучник.

– Конечно, – кивнула она, вставая. – У вас тут всегда так весело?

– Думаешь, не прогадала ли? – засмеялся он. – Поздно. Мы договорились, и до конца сентября я на тебя рассчитываю.

– Значит, всегда?

– Нет, сегодня просто день такой, – ответил разбойник, запрыгивая на своего чубарого. –

А так-то у нас сплошь пиры да менестрели. И шуты.

– Ага. Одного я уже знаю.

В сравнении с глухим селом в горах Хамадана, где она выросла, Багдад казался суматошным, душным, крикливым. Будь ее воля, Ясмине ни минуты бы не провела в большом городе, но старый Али-Хаджи хотел умереть там, где родился. После почти двухнедельного пути он стал похож на тень, и было понятно, что счет идет на дни.

– Без тебя я бы сюда уже не добрался, – проскрипел он вечером после приезда в город. – А вот ждать моей смерти не надо. Завтра утром ты отсюда уедешь, а пока принеси перо и чернильницу.

В последние недели Али-Хаджи говорил с ней только по-арабски, добиваясь, чтобы язык стал для Ясмине почти родным.

– О какой вы смерти? – улынулась она. – Вы же пьете свое лекарство, оно помогает.

– Оно просто снимает боль. Да и не лекарство это. Страшная вещь: один раз попробовал – и больше без нее не можешь. Мне уже все равно, а ты никогда не смей. Неси чернильницу. И ложись спать. Завтра утром будь готова к дороге.

– А вы? – нахмурилась Ясмине. – Я вас не брошу.

– Ложись спать, я же сказал. Тебе завтра уезжать ранним утром. И что это за «не брошу»? Ты не раненого в горах оставляешь, а взрослого человека с деньгами – в большом городе, где можно кого угодно нанять и что угодно купить. Не бросит она, тоже мне! Это я и в дороге понял. Два раза на нас нападали, да?

– Да.

– Оба раза ты могла легко умчаться на своей арабской кобыле.

Ясмине вдруг нахмурилась и, секунду посомневавшись, спросила:

– Эти нападения... они?.. – она не решилась договорить, но Али-Хаджи все понял.

– Ты думаешь, не подстроил ли я это, чтобы проверить, как ты поведешь себя в настоящей схватке и сможешь ли стрелять по живым людям? Нет. Все, чернильницу, и ступай.

Утром старик отдал запечатанное письмо:

– Без меня ты поедешь куда быстрее и недели через три будешь уже в Палестине. Про свои слабости ты все знаешь.

– Да, – Ясмина опустила голову. – Я слишком полагаюсь на себя и слишком поспешно действую, не продумав все варианты.

– Первое порой неплохо, – улыбнулся старик. – От второго можно со временем избавиться, но у тебя, боюсь, не получится, – слишком уж буйный нрав. Но самая страшная слабость – люди, которых ты любишь. Клинок у горла твоего ребенка куда страшнее любой дыбы. Но твои родители и сестры в Хамадане, а это слишком далеко. Никто не причинит им вреда. Так что пока ты почти неуязвима.

– Пока?

– Пока не появился кто-то, кто станет тебе слишком дорог.

– Значит, лучше, чтоб не появлялся.

– Зачем тогда вообще жить? – Али-Хаджи с трудом повернулся и, взяв со стола крошечный кожаный мешочек, протянул его девушке. – Возьми. Всегда держи при себе, и пусть это тебе не пригодится.

Осторожно ослабив шелковый шнур, Ясмина приоткрыла мешочек, заглянула внутрь и увидела крупную плотную горошину, словно слепленную из высушенных и измельченных трав. Она вопросительно посмотрела на старика.

– На крайний случай, – сказал он. – На самый крайний. Тебе можно такое дать, ты не отчаиваешься раньше времени и бьешься до последнего. Где спрятать – не мне тебя учить. Но держи при себе. Всегда. Комочек крупноват, но за один раз вполне можно проглотить.

– Понадобится? – серьезно спросила девушка.

– Может. Если что – потом будет три-четыре минуты. А у птички-невелички, как ты, – и того меньше.

– Я поняла.

– Людей, обученных делать то, что ты, очень мало. Толковых – еще меньше. Тот, к кому я тебя отправляю, быстро поймет, что ты не просто шестнадцатилетняя крошка, а будущий мастер. Будущий – только потому, что пока у тебя нет опыта. Но опыта ты наберешься молниеносно. Все, тебе пора.

Гай Гисборн спокойно ждал, когда шериф прекратит кружить из угла в угол, но тот не унимался. Наоборот, с каждым шагом шериф Ноттингемшира раздражался все сильнее. Сначала он смел со стола пустой глиняный кувшин, и по каменному полу во все стороны разлетелись осколки. Следом грохнулась шахматная доска с незавершенной игрой. Фигуры покатились по залу.

– Я договорился с Ламбером, завтра же его отряд будет здесь. Усиление не помешает.

– Зачем? – негромко откликнулся Гисборн.

Он не выносил наемников, а наемников Ламбера – в особенности. Нет, надо было оставаться честным перед собой: он не выносил самого Ламбера. Удачливый торговец из Нормандии, сколотивший состояние на крестовых походах, Огюст Ламбер после возвращения решил осесть в Англии. Торговля в мирные дни была куда спокойней и безопасней, но уже не приносила тех барышей, что в Палестине. И заскучавший Ламбер, прекрасный воин, собрал отряд бойцов, готовых на все, – и всегда мог за должную плату этот отряд направить куда угодно. В Ноттингеме он впервые появился еще до возвращения Гая с Востока. И с самого первого городского праздника не сводил глаз с Марион.

Но голубоглазой красавице Ламбер совсем не нравился. Стоило ему завести с ней разговор, и улыбочивая болтушка Марион еле цедила что-то чуть ли не сквозь зубы.

Гай совсем не удивился, когда в один из вечеров отец позвал его к себе.

– Марион в своей комнате? – спросил он.

– Да. Или читает, или уже легла.

– Хорошо. Что ты думаешь об Огюсте Ламбере, Гай? Вы ведь не раз встречались еще в Палестине.

– Я понимаю, почему ты спрашиваешь, отец. Что ж. Прекрасный торговец, отлично чует, где можно заработать. Он и его напарник, Зигфрид Мазер, умудрялись иногда пробиться через заслоны Саладина и подвезти нам оружие и продовольствие. Редко, но умудрялись. Другие даже и не пробовали – слишком это было опасно. Но Ламбер бесстрашен, это у него не отнять.

– Бесстрашен. Богат. Ты так говоришь, как будто есть какое-то «но», Гай.

– Да. Я же понимаю, почему ты спросил. Он хочет взять в жены Марион?

Отец молча кивнул. Гай нахмурился:

– Она его терпеть не может.

– Ты уверен?

– Совершенно. Если бы ты видел их вместе, ты тоже не сомневался бы.

– Завтра я у нее спрошу.

– Нет, отец, – снова нахмурился Гай. – Не говори ей.

– Но почему?

– Я боюсь, что она согласится.

– Боишься? – растерянно переспросил старший Гисборн. – Ты только что сказал, что Ламбер бесстрашен, неглуп и богат...

– И что она его терпеть не может.

– Тогда зачем ей соглашаться?

– Отец, Марион ведь знает, что ты почти разорен? – напрямую спросил Гай.

Старший Гисборн отвел взгляд.

– Знает или нет?

– Я не говорил ей об этом.

– Но она наверняка догадывается. Марион же видит, как ты начал урезать расходы во всем, как ты отказываешься от многого, к чему она давно привыкла. Среди слуг ходят слухи, что ты размышлял, не заложить ли замок. Она наверняка об этом тоже слышала. И она знает, что Ламбер очень богат. Ей нет еще семнадцати, ее сердце свободно, и она легко может согласиться на замужество, чтобы спасти тебя от разорения. А потом прожить всю жизнь с человеком, от которого ее трясет.

– Ты не любишь Ламбера.

– Я-то ладно. Но Марион тоже его терпеть не может. Не говори ей ничего, отец. Спасать замок и зарабатывать деньги – мое дело. Слава богу, наш король Ричард снял запрет на рыцарские турниры, и теперь я могу на этом зарабатывать. Выберемся, – улыбнулся Гай. – А Марион пусть встретит кого-нибудь, кого сама полюбит.

– Король Ричард, – вздохнул старый Гисборн. – Скорее бы уж он возвращался, а то его братец, принц Джон, вот-вот приберет власть к рукам.

– Он вернется, отец. Он отослал меня, а сам собирался выехать с востока через пару недель. Так что совсем скоро Ричард будет здесь и, я уверен, приструнит своего брата и наведет порядок.

Был, кажется, октябрь прошлого года, – Гай только приехал.

И вскоре устроили ту самую охоту на лис.

А теперь прошло чуть больше полугода, и все перевернулось с ног на голову. Король Ричард Львиное Сердце, выехав из Палестины, по пути попал в плен и был сейчас в руках германского императора. Его мать, королева Алиенора Аквитанская, отчаянно пыталась поскорее собрать огромный выкуп, затребованный императором, а принц Джон, младший брат короля, старался воспользоваться моментом и полностью прибрать к рукам власть.

– Гисборн! – резкой голос шерифа выдернул Гая из воспоминаний. – Вы меня слышите, сэра Гай?

– Да, милорд. Уверен, мы справимся и без Ламбера с его наемниками.

– Гисборн, пока вы где-то витали, я рассказывал про епископа Герфордского. Он тоже в ярости – мало того, что Локсли отнял у его монахов деньги, он еще и пленницу отбил. Пленницу, важную для его преосвященства.

– Пленницу?

– Где вы были, сэра Гай?

– Простите, милорд.

– Мне повторить? – скривился шериф.

– Будьте так любезны.

– Несколько дней назад в Шервуде напали на монахов-августинцев, перевозивших не только крупную сумму, но и важную пленницу.

– Что за пленница, кто напал?

– О пленнице его преосвященство особо не распространялся, – уклонился шериф. – Все, что я знаю, – что это молодая сарацинка ростом около пяти футов, и что она нужна его преосвященству живой и невредимой. Или хотя бы в сознании и способной говорить.

– А кто напал?

– Двое. Один рослый и крепкий, ярко-рыжий, второй среднего роста, худощавый, светловолосый.

– Уилл Скарлет и сам Локсли, – ответил Гай. – Так. Подождите, милорд.

– Что такое?

– Вы сказали, что Локсли и его приятель отбили у монахов пленницу-сарацинку?

– И что?

– А ведь на следующий день в Ноттингеме был турнир лучников? – оживился Гисборн. – Да? Я-то был уже на пути в Бирмингем.

– Да.

– И вы говорили, что победитель – никому не известный подросток с восточным луком? Захватывающий тетиву по-сарацински?

– Точно.

– Мальчишка ростом около пяти футов?

– Пожалуй, да, – кивнул шериф. – В дурацком бесформенном плаще.

– Видимо, чтобы спрятать женскую фигуру.

– Да бросьте! Чтобы женщина выиграла у Ламбера и Сэма? Никогда не поверю.

– Будет время – расспросите Ламбера или его приятеля Мазера про Жасминовую Веточку. Много интересного узнаете, – Гисборн поднялся и стал собирать шахматные фигуры с каменного пола. – Доиграем?

– Придется начать с самого начала.

– Зачем? – усмехнулся Гай. – Я помню каждый ход, и свой, и ваш. Хотя, наверное, лучше и правда с самого начала, – мне надо бы играть без ферзя, так мы хоть немного сравняем шансы.

Глава шестая

– Восемь, говоришь? – Робин покосился на Эмилия, потом перевел взгляд на дорогу. С холма было прекрасно видно отряд стражников.

– Было восемь. Может, остальные их поджидали.

– Разворачиваемся. Нам втроем тут не справиться.

– Мы же можем их всех перестрелять!

– И положить два десятка человек из-за одного бестолкового браконьера? Нет. Назад.

– Он же еще совсем молоденький, – Ясмينا посмотрела на главаря, разворачивая рыжую кобылку. – Что теперь с ним будет?

– Я разве сказал, что мы его бросим? Сегодня с ним ничего не сделают. Пока доедут до города, пока будут разбираться... Завтра – ярмарочный день, вот на завтра-то казнь и наметят. Чтобы другим неповадно было.

– Казнь? – растерянно переспросила Ясмينا.

– Ты не знала? – Робин обернулся к девушке. – Лесной закон. Олени, кабаны, косули – королевская дичь, и за охоту на них положена смертная казнь.

– И его что, должны повесить?

– Я не позволю, – усмехнулся разбойник. – Но да, должны бы повесить. Будь он чуть помладше – могли бы по малолетству простить и просто отрубить руку.

Косматый верзила Джон успокаивал рыдающую прядильщицу:

– Ну хватит, не плачь, не плачь. Все будет хорошо. Завтра твой брат будет с нами. Как его зовут?

– Билли, – всхлипнула девушка, пряча лицо на груди Джона.

– А тебя? – Робин, подойдя, устроился на бревне с другой стороны и ободряюще потрепал прядильщицу по кудрявой голове, но, встретив суровый взгляд Джона, быстро кивнул в ответ и убрал руку.

– Билли.

– В смысле?

– Он – Уильям, я – Сибилла. А его точно не повесят?

– Если я сказал нет – значит, нет. Вас только двое? Еще кто-то есть из родных?

– Еще сестра, – снова всхлипнула прядильщица. – Старшая. Замужем, в Лидсе живет.

– Боюсь даже спросить, как зовут.

Гай Гисборн сначала пытался прогнать лицо из памяти, но потом, поняв, что бесполезно, стал просто прокручивать воспоминание снова и снова. По кусочкам, каждое мгновение. Узнать бы о ней хоть что-нибудь, но как узнаешь? Будь то благородная дама, он давно бы выяснил все подробности. Но что и как можно узнать о случайной простолюдинке?

Чернь. Он не любил чернь и никогда не скрывал этого.

Уверенный, сильный, тревожный взгляд. Глаза – словно черное пламя. Рванный шрам на ухе. Что могло случиться, кто посмел ее когда-то обидеть?

Они успели обменяться лишь несколькими словами, но Гай заметил в ее речи ту отточенную правильность, с какой на родном языке не говорят. Наверное, занесена сюда волной после крестового похода. Как Ламбер и его бывший напарник Мазер. Что с ней было раньше, где и с кем жила, со сколькими делила постель? Да что там раньше – он и про сейчас-то ничего не знал.

Но теперь Гай понял, что так изводило его в этом лице, казалось таким неправильным. Тревога, излом, обреченность. Убрать эту тревогу – и тонкое некрасивое лицо, наверное, стало бы мягче и нежнее.

Больше всего Билли злился на себя: он сам был виноват и понимал это. Надо было сразу бежать, как только он увидел лесничих, – а он почему-то решил, что сумеет их перехитрить.

Он пытался держаться, изо всех сил пытался держаться, но все-таки не смог и разревелся. Глупо было верить, что кто-то придет на помощь, но Билли до последнего верил. Сестры ведь столько раз говорили, что лесные разбойники защищают простой люд из окрестных деревень. Он верил вчера, когда стражники везли его через лес в город. Верил всю ночь, валяясь в подземелье на вонючей соломе вместе с двумя неудачливыми воришками, которых поймали на рыночной площади. Верил сегодня с утра, так верил, что отказался от священника. Верил, когда за ним пришли стражники, когда его пинками толкали, заставляя быстрее топтать по длинному сырому коридору.

А теперь оказался на свету, на рыночной площади, сломался и расплакался. Он не знал, когда именно придет время казни. Пока до Билли никому не было дела: связанный по рукам и ногам, он стоял на помосте под присмотром стражников, изо всех сил пытаясь не реветь и не смотреть на виселицу. Вокруг бурлила ярмарка. На другом краю площади нахваливали свой товар местные и приезжие торговцы, в толпе сновали разносчики пирожков и прочей нехитрой снеди, а около помоста собралось уже несколько десятков человек – но все глядели не на Билли, а на представление бродячего балаганчика. Билли и самому нравилось иногда поглазеть на заезжих лицедеев, но сейчас все казалось тоскливым. Руки были связаны, вытереть лицо он не мог, и чем отчаяннее Билли пытался не плакать, тем сильнее лились слезы.

Балаганчик тем временем собирал все больше зрителей. Даже сам ноттингемский шериф, удобно расположившись на деревянной трибуне, увлеченно смотрел на представление. Рядом с шерифом был мальчишка лет на пять младше Билли, над мальчишкой висела занавеска, закрывая его от жалящего летнего солнца. По обеим сторонам маленькой трибуны стояли стражники с наточенными алебардами. Ближе к балаганчику, внизу, расположился народ попроще: несколько обычных горожан болтали друг с другом, пухленькая торговка раскладывала пирожки на лотке, невысокая цыганочка хрустела ярким сочным яблоком.

Бродячие лицедеи старались. Седой дед с неожиданным проворством жонглировал тяжелыми глиняными шариками – сначала тремя, потом пятью, потом Билли сбился со счета. Рядом с жонглером веселил публику кукольник: две разрисованные деревянные фигурки в его руках изображали рыцаря и прекрасную даму. В другой обстановке Билли покраснел бы от того, что вытворяли деревянные дама с рыцарем, но сейчас ему было противно. Билли отвел взгляд в сторону, чтобы не смотреть на кукольника и не видеть, даже краем глаза не видеть виселицу. Напротив кукольника и жонглера сухой, подтянутый жилистый парень с раскрашенным лицом и в колпаке с ослиными ушами прилаживал тонкую прочную жердь, надежно укрепляя ее с обеих сторон на деревянных козлах. Убедившись, что жердь крепко держится и не болтается, он взял лежавший рядом маленький лук – детскую игрушку с тупыми стрелами – а потом легко запрыгнул на жердь и так же легко, ни разу не покачнувшись, выпрямился в полный рост. Бубенцы на кончиках ослиных ушей тихо зазвенели. Одну стрелу парень положил на тетиву, остальные пока держал в зубах.

– Эй, дурень! – крикнул кто-то из зрителей. – Ты что, правда собрался стрелять из этой игрушки, болтаясь на жердочке?

Лицедей кивнул, бубенцы снова зазвенели. Стоявшая внизу цыганочка высоко подбросила огрызок яблока, и в тот же миг тупая детская стрела сбила этот огрызок прямо в полете. Кто-то из толпы кинул вверх платок, скомканный и завязанный в тяжелый узел, и следующая стрела подбила платок. Вдали в воздух швырнули мелкий камушек, лучник сбил и его.

Толпа засвистела, в шапку, стоявшую между жонглером, кукольником и стрелком, полетели мелкие монетки.

– Ну с такой-то игрушкой любой сможет, – негромко, но отчетливо фыркнула цыганочка. – А с настоящим луком на этой жердочке никому не справиться! Он его даже не натянет – свалится!

– Давайте проверим! – тут же забурили голоса в толпе.

– Дайте этому, с ослиными ушами, нормальный лук!

В ярмарочный день никто не мог проехать в город с оружием мимо стражи на воротах, и лук нашелся не сразу. Парень, развлекая публику, несколько раз легко покружился на тонкой жердочке, позванивая бубенцами на ослиных ушах, – так ловко и задорно, что Билли даже перестал хлопать. Толпа, развеселившись, требовала настоящий лук. Пока вокруг искали оружие, парень, звеня ушами, кривлялся на тоненькой жерди и напевал одну из веселых бродячих песенок:

*Шериф ко всем в карман залез:
Налог за дом, налог за лес.
Кто честно пашет круглый год —
Едва на подать наскребет.*

Пел он негромко – так, что толпа вокруг его слышала и хохотала, но до трибуны слова не долетали. Наконец кто-то из местного гарнизона, дождавшись утвердительного кивка шерифа, протянул лицедею лук и пару стрел.

– Пусть вон того воробья собьет! – с издевкой крикнули из толпы.

В стороне, в сотне ярдов, на приоткрытой ставне одного из окон беззаботно чистил перышки воробей. Свистнула стрела, и птицы не стало.

Билли подумал, что так стрелять может лишь один человек в Ноттингемшире. И, похоже, эта мысль пришла не только ему, – толпа замерла, но лучник к этому был готов: он молниеносно спрыгнул с жердочки и, оказавшись на твердой земле, обернулся к трибуне шерифа. В следующий миг шапка с ослиными ушами, звякнув напоследок бубенчиками, полетела на землю.

– Как ваш сын на вас похож, милорд! – быстро улыбнулся лучник, подняв готовое к выстрелу оружие. – Сколько ему уже? Лет десять?

– Хватит зубоскалить, Локсли! У тебя всего одна стрела.

– Так и сын у вас всего один. А вот делать тайные знаки страже не нужно: я услышу щелчок арбалета или свист тетивы и успею выстрелить.

– Что тебе надо на сей раз?

– Мальчишку, которого вы собираетесь повесить.

Билли радостно встрепенулся. Он и сам не заметил, как рядом с ним вдруг очутилась цыганочка – та, что кидала лучнику огрызок для выстрела. Вблизи стало видно, что она намного старше, чем ему казалось.

– Тихо, тихо, – негромко сказала цыганочка, и Билли увидел легкий тонкий нож в ее руке. – Не дергайся, и я тебя не задену.

Он кивнул и снова прислушался к словам лучника:

– ...и как только мальчишка и девушка уйдут – твой сын будет в безопасности.

– Но самому тебе потом не выбраться, Локсли.

– Посмотрим.

Билли почувствовал пинок в бок.

– За мной, – уверенно скомандовала цыганочка, разрезав последнюю веревку на его ногах. – Быстро.

Спрыгнув с помоста, она проскользнула мимо не смеющих шелохнуться стражников и бросилась в сторону узкой боковой улицы. Билли еле успевал следом и бежал изо всех сил, боясь отстать и потерять из виду черные косы, перехваченные тяжелыми медными пряжками. Девушка свернула в безлюдный проулок между двумя домами, остановилась и на мгновение замерла. Билли увидел, что она быстро ведет ладонью по ряду широких досок, словно отсчитывая.

– Сюда.

Одна из досок подалась под ее рукой, скользнув в сторону. Девушка юркнула в открывшуюся щель и чуть ли не силой втянула растерявшегося Билли.

– Вниз, скорее, – произнесла она, поправляя доску изнутри.

– Я ничего не вижу.

– Я тоже. Но здесь должна быть лестница. Вниз, быстро и тихо, чтобы снаружи нас не услышали.

Пригнув голову, обеими руками держась за стены, Билли стал протискиваться вниз. Вскоре лестница кончилась.

– Я ничего не вижу и не понимаю, где мы, – прошептал он.

– Я тоже, – ответила девушка. – Надеюсь, там, где надо. Ждем.

Билли скорее почувствовал, чем услышал, как она прошептала что-то на незнакомом ему языке. Он молчал. Было очень темно, холодно и страшно.

– Я смотрю, вы тут, – раздался сбоку веселый мужской голос. – Добро пожаловать в катакомбы Ноттингема.

– Робин! – выдохнула цыганочка. – С тобой все в порядке?

– Да. Теодор с лошадьми должен быть на берегу Трента, наверняка уже заждался нас. Ну, вперед.

– Я совсем-совсем не вижу, – тихо сказала девушка.

Мужчина засмеялся:

– Дай мне руку и ничего не бойся. А ты не отставай, парень.

Прядильщица, всхлипывая, обнимала брата, косматый верзила Джон обнимал прядильщицу:

– Ну все, все, хватит хлюпать! – успокаивал он Сибиллу. – Все уже хорошо!

– Да, – кивнула она и, оставив брата в покое, прижалась к Джону. – Только я боюсь теперь возвращаться... нам же не дадут жить в Лакстоне, за ним ведь снова придут?

– Придут, – кивнул подошедший главарь разбойников. – Но тебя никто не обидит. Шериф этим заниматься не станет, свалит на бейлифа – на Гисборна. А сэр Гай невиновных не трогает. Ты ведь сама не стреляла в королевскую дичь? Только брат? – Робин опустил на траву и стал вытирать перемазанное лицо рукавом куртки. – Ты же говорила, у вас еще сестра в Лидсе? Она его примет?

– Да, Билли будет только рада. Она и сама его звала с собой, когда уезжала.

– Вот и отправим его в Лидс. Только один он не доберется – там ехать целых три дня.

Джон, проводишь парня?

– Конечно.

– Хорошо, – главарь снова обернулся к девушке. – И не бойся, тебя не тронут. А братишка твой – молодец!

– Бедный мой, – прядильщица снова обняла брата. – Испугался?

– Слушай, даже я пугаюсь, когда меня собираются повесить! – рассмеялся Робин. – Билли – молодец, не терялся и все делал правильно.

К собравшимся подошли отец Тук и Марион.

– Умойся нормально, – заворчал монах. – Рукавом ты это не ототрешь. Чем ты так красился?

– Углем.

– А с пальцами что? В кровь же сбиты.

– Пришлось стражнику по башке заехать.

– Бить голым кулаком по железному шлему – так себе идея. Не боялся, что раньше времени узнают?

– Не-а. Дурацкий колпак – отличная штука. Надел, и тебе все можно.

– Сам-то как выбрался? – продолжал допытываться Тук. – А с лицедеем, у которого жердочку и лук отобрал, ты что сделал?

– За кого ты меня принимаешь? Ничего я с ним не сделал, просто напоил. Дрыхнет в «Восьми лапах». Проспится, куда денется.

– А выбрался как?

– Когда убедился, что Яминка увела парня, – выстрелил в занавеску, которая висела над сыном шерифа. Понятно было, что занавеска свалится, накроет мальчишку, никто сразу не поймет, что случилось, все перепугаются и на какое-то время отвлекутся. Из города в катакомбы шесть ходов, один – прямо на рыночной площади. Я ж не случайно именно там стоял, – снова засмеялся разбойник. – Мне нужно-то было всего несколько мгновений, даже меньше.

– Робин! – растерянно сказала Марион.

– Да, моя красавица?

– Ты... ты что, держал на прицеле ребенка? И потом стрелял в занавеску над ним?!

– Ага.

– А если бы у тебя стрела сорвалась?! А если б ты промахнулся?

Робин удивленно посмотрел на девушку, серые глаза засверкали на перемазанном лице:

– В смысле – промахнулся? Эх. Воробья жалко.

Глава седьмая

– Когда ты только успел его купить? – Марион вытянула руку, любуясь витым серебряным браслетом. – Спасибо.

– Так ярмарочный день же. Показал Ясмине, где лаз в катакомбы, потом, пока она пару раз повторяла сама путь туда и обратно и прикидывала время, прошелся по торговым рядам. Нравится?

– Очень, – девушка сняла браслет и бережно положила его на резной ларь, стоявший у стенки шатра. – Почему ты никого из парней с собой не взял? – спросила она, забираясь под одеяло, сшитое из овечьих шкур. – Иди ко мне.

– В смысле – никого из парней? Теодор нас ждал с лошадьми.

– Ты понял, про что я. В Ноттингем ты никого не взял.

– А, – отмахнулся разбойник. – Кого бы, красавица моя? Мужчина, торчащий возле помоста, сразу покажется страже подозрительным, а вот маленькая девушка – ничуть. И катакомбы.

– Что катакомбы?

– Там и мне-то приходится идти, выдохнув и согнувшись. Скарлет выше и крупнее, ему там не протолкнуться. Про Джона молчу, он бы сразу застрял. Да и прядильщицу тут надо было успокоить, это, похоже, по его части, – Робин тихо рассмеялся. – Эмиль пролез бы, но он может дрогнуть в решающий момент.

– А она, конечно, не дрогнет, и ты это понял за три дня знакомства.

– За три минуты, – снова засмеялся Робин и нырнул к ней под одеяло. – Ты будешь учить меня, как надо спасать пленников?

Голос у Гая Гисборна и так был твердым, а в небольшой комнате замка, среди каменных стен, звучал даже четче обычного:

– Милорд, мне вообще не отлучаться из Ноттингема? Меня не было один день. Один. Надо было разобраться с беспорядками в деревнях. Вечером, перед моим отъездом, у нас был браконьер, пойманный с поличным. Казалось бы, взять да вздернуть, дел на пять минут. Почему же на следующий день, возвращаясь, я останавливаюсь на обед в придорожной харчевне – и слышу там новую песенку о том, как ловкий разбойник снова одурачил шерифа?

– Сэр Гай! – взвился шериф. – Вы забываетесь! Кто из нас кому подчиняется?!

– Сам иногда сомневаюсь, – Гисборн подошел к распахнутому окну и остановился, словно осматривая окрестности. – Милорд, вы знаете епископа Герфордского куда лучше, чем я. Он хочет снова заполучить ту сарацинку, что у него отбили разбойники, так?

– Да.

– И вам нужно расположение его преосвященства?

– С церковью лучше дружить, Гисборн.

– Епископу нужна его пленница, – кивнул Гай. – Вам нужно хорошее отношение епископа. Мне нужна шкура Локсли. Вот все и увязалось.

– Не понимаю вас, сэр Гай.

– Вот тут-то нам и понадобятся головорезы Ламбера.

– С Ламбером вы можете договориться напрямую, он должен быть с минуты на минуту. Вы наконец объясните, что задумали?

– Да, милорд, – Гисборн обернулся к шерифу и посмотрел на него с удивлением, словно план был настолько очевиден, что не требовал никаких пояснений. – Нам не взять Локсли в лесу, там он в своей стихии. Надо его выманить. И не в Ноттингем. Ноттингем этот разбойник знает до последней дыры в заборе, улизнуть там может прямо из-под носа, да и в уличных

стычках держится куда уверенней, чем наши стражники. Надо его завлечь в место, где наши люди будут ориентироваться, а он – нет.

– И куда же?

– Ньюстед или Шелфорд, к примеру.

– Августинские монастыри? – усмехнулся шериф. – И как вы собираетесь его туда завлечь?

– Он придет за своим бойцом. Я про это говорил – как раз тот самый вызов. Никто не сунулся бы, а он сунется. Даже и не важно, за кем, – пришел бы и за любым из своих парней, но раз его преосвященству нужна сарацинка – значит, будет она. А ее изловить куда проще, чем его.

– Наверняка. Один-то раз она уже попалась – священники же везли ее через лес как раз из Ньюстеда. В Ноттингем. Знать бы, зачем?

– Думаю, для не слишком вежливой беседы, – скривился Гисборн. – Видимо, пленница знала что-то, что было важно его преосвященству, но разговорить ее в Ньюстед не удалось.

– Какая разница, где разговаривать?

– Сэр Гай имеет в виду, что епископ пытался что-то выбить из пленницы, но девушка оказалась стойкой, – откликнулся подошедший Ламбер. – Похоже, обычные побои, нанесенные неумелыми олухами, не подействовали, и тогда его преосвященство направил даму в Ноттингем – здесь за нее взялся бы палач, а это уже совсем другое дело.

– И вы уверены, что сможете ее поймать?

– Вопрос времени, – кивнул Гисборн. – Она наверняка появится в городе или в ближайших деревнях. Судя по описанию стражников, видевших ее в лесу и в Ноттингеме, девушка броская и заметная. Смуглая яркая брюнетка – не приметя для Палестины, но в наших краях она слишком выделяется.

Гай поймал себя на мысли, что прав: если не считать неведомой сарацинки из шайки Локсли, сам он видел в Англии только одну по-настоящему яркую брюнетку – ту девушку в Бирмингеме, которую выбрал королевой турнира. Зачем она снова вспомнилась? Почему он вообще постоянно о ней вспоминает?

– Сэр Гай, вы опять не с нами? – раздался совсем рядом насмешливый голос шерифа.

– Простите, милорд.

– Повторяю лично для вас – мне интересно, что же за сведения так нужны епископу? И почему он решил, что дикая сарацинка может знать что-то важное?

– Милорд, я долго об этом думал, – признался Гай. – Молодая сарацинка, прекрасно стреляющая с седла и хорошо говорящая по-саксонски – как-то же она объясняется с разбойниками? И, возможно, знающая что-то, что интересует епископа? Думаю, я догадываюсь, кто это.

Шериф и Ламбер, словно по команде, удивленно к нему обернулись.

– И кто же? – кривясь, произнес нормандец.

– Жасминовая Веточка.

– Не может быть, – выдохнул Ламбер. – Я лично видел ее...

– Мертвой? – продолжил Гисборн, глядя на нормандца в упор.

– Да.

– Точно?

Зигфрид Мазер не сводил глаз с лежавшей у его ног женщины. Плотный платок и длинное широкое платье зеленого венецианского шелка оставляли открытыми лишь лицо и кисти рук. Наклонившись, Мазер стянул платок с головы девушки. Смоляные волосы рассыпались, вырвавшись на свободу.

– Пора, Зигфрид, – окликнул его напарник. – Не будем задерживаться. Место глухое, но мало ли. Вперед. До жары надо добраться до Тира, там ждет обоз, там и пересидим самое пекло.

Последний день августа и правда выдался нестерпимо жаркими.

– Едем, едем, – снова подогнал Ламбер.

Зигфрид Мазер с сомнением замялся, словно стесняясь напарника, потом, решившись, присел на корточки и вынул из ушей девушки серьги с крупными сверкающими камнями, такими же зелеными, как и шелк ее платья. Одна из сережек застряла, и Мазер раздраженно дернул ее в сторону, разорвав ухо.

– Снимать украшения с мертвой? – оторопело выдохнул Ламбер. – Это уж совсем мародерство.

– Да она пока жива, – усмехнулся его напарник. – Вон кровь сочится.

Из носа и уха девушки и правда текли тоненькие ручейки крови.

– Вот теперь – вперед! – Зигфрид Мазер бережно опустил серьги в кожаный мешок на поясе, выпрямился и взглянул на Ламбера. – Не смотрите на меня так. Это асуанские изумруды. По слухам – подарок самого Саладина. Сегодня-завтра наш воинственный король Ричард наконец-то поймет, что Иерусалима ему не видать, и будет уводить войска. Так что надо хватать сейчас все, что можно. Вперед, не стойте столбом. Она пока дышит, но это ненадолго. Ее приятель прибит несколькими стрелами к роскошному лавру. Жаль, что в тени, – оставить его доходить на солнце было бы куда лучше. Впрочем, он все равно уже без сознания. А остальной их отряд без этой парочки не опасен.

Казалось, она выныривает из густой темной воды. Выныривает и снова тонет.

Кто-то обращался к ней по-арабски. На неродном, но очень неплохом арабском. Незнакомая женщина лет сорока, светловолосая, в европейском платье.

– Ты меня понимаешь?

– Да.

– Как тебя зовут?

Мысли сбивались и путались, перед глазами все скакало и плыло. Можно ли назвать свое имя? Почему бы и нет, оно такое же обычное, как Лейла или Зухра. Она собралась с силами – схватить мысли и выговорить имя оказалось не так-то просто.

– Ясмина. Где я?

– В Акре. В безопасности, – быстро добавила женщина.

Ясмина попыталась хоть немного приподняться, но ее тут же вырвало. Женщина, похоже, была к этому готова и быстро подставила глиняную плошку.

– Ну-ка посмотри на меня, – женщина откинула богато расшитую занавесь на окне и впустила в комнату яркий солнечный свет, от которого Ясмине захотелось забиться под покрывало. – Прямо на меня, – добавила она и в упор взглянула на девушку, словно высматривая что-то в ее зрачках. – Ты помнишь, что случилось?

– Нет.

– Ничего, вспомнишь со временем. Меня зовут Лоранс Вилар. Лежи спокойно, не пытайся встать. Когда будет надо – зови меня и не смущайся.

– Спасибо, мадам Вилар, – Ясмина перешла на французский, но на длинную фразу у нее не хватило сил: слова словно разбегались, голова кружилась. – Как я здесь оказалась?

– Тебя привез мужчина, – ответила мадам Вилар, и, встретив вопросительный взгляд девушки, продолжила. – Старый, но очень крепкий. Высокий, седой. Мне показалось, что турок или курд, но я не уверена – мы обменялись только парой слов, он очень за тебя боялся и хотел, чтобы я скорее тобой занялась. Похоже, ты его знаешь.

– Да, – еле пробормотала девушка. – Курд, точно.

Значит, Ахмед цел. Может, и остальные, кто был с ним и Мурадом, сумели выбраться. Сил совсем не оставалось, и мадам Вилар это заметила:

– Отдыхай. Все равно ты сейчас ничего не сможешь сделать.

– Что вообще может сделать женщина? – слабо отшутилась Ясмина.

– Ты-то? – спокойно уточнила мадам Вилар. – Я ведь тебя раздевала и обтирала, прежде чем здесь уложить. Плечи и руки только с виду хрупенькие, а коснешься – крепкие, словно у мужчины-лучника. Это не от природы, а от постоянных тренировок. Шрам от клинка на бедре, очень старый. Шрам от стрелы ниже лопатки, ему пара месяцев – ты, похоже, только недавно оправилась после этой раны. Повезло, что оправилась. Выглядит так, словно легкое было задето. Еще несколько разных отметин помельче. И ты хочешь сказать, что проводишь жизнь на женской половине дома?

Несмотря на жаркое уже с утра солнце, вода в быстром ручье была холодной. Ясмина выбралась на берег, отжала тяжелые мокрые волосы, потом надела прямо на влажное тело длинную льняную сорочку и, подхватив свернутое платье, стала подниматься по узкой тропинке к лагерю. Заслышав голоса, она остановилась, развернула платье и, надев его, снова двинулась вперед.

На утоптанной полянке готовились к отъезду верзила Джон и Билли, брат кудрявой прядильщицы. Уже были оседланы могучий жеребец Джона и маленький бурый ослик отца Тука, предназначенный для паренька.

– Три дня до Лидса, – вслух считал Робин. – Это если не торопиться и не утомлять коня и осла. Три дня обратно. Хотя обратно ты поедешь быстрее. Если ты не появишься через шесть дней – бросаюсь на поиски и на помощь.

– Да появлюсь, куда я денусь, – зычным басом отозвался верзила Джон. – Эмиль там пусть без меня осторожнее разбойничает.

– С ним Скарлет будет в паре.

– А с тобой кто? – удивился Джон.

– Со мной пока – Ясминка.

– Ага. Ну все, мы с Билли поехали. Не беспокойся, провожу парня до Лидса и вернусь. Вон твой напарник от ручья поднимается, – усмехнулся верзила.

Главарь разбойников обернулся. По тропинке шла Ясмина, на ходу выкручивая длинные густые волосы. Сырое платье облепило фигуру сарацинки, подчеркнув тонкую гибкую талию и пышные бедра. Лицо горело от холодной воды, в вырезе платья видны были хрупкие ключицы. Робин скользнул глазами по этим ключицам, выдохнул, с трудом отвел взгляд.

– А ты ранняя пташка.

– Ага, – ответила она и улыбнулась.

В последние пару дней на ее лице все чаще появлялась эта осторожная несмелая улыбка.

– Смотри не наткнись на пилу, – предупредил Робин.

Только теперь Ясмина заметила, что у его ног были сложены деревянная лопата, небольшая пила и тяжелый увесистый топор.

– Это что? – удивилась она. – Решил сменить лук и стрелы на топор?

– Нет, – рассмеялся в ответ разбойник. Он взял топор, посмотрел на лезвие, усыпанное странными знаками. – Знаешь, что это за знаки?

– Нет. Какой-то язык, но я его не знаю. Откуда он у тебя?

– Эмиль и Джон ограбили весной одного потомка датчан. Топор хоть и боевой, но для работы тоже прекрасно годится.

– Что ты собираешься делать со всем этим?

– Хотел вместе с Диком пойти и спилить кривой граб. Не нравится мне, как он нависает над дорогой. И борщевик выкорчевать, пока не разросся.

– Граб знаю, – снова улыбнулась она. – А что такое борщевик?

– На редкость живучая дрянь. Завтра мы с тобой поохотимся на путников на дороге из Ноттингема, а сегодня займусь лесом, – Робин опустил топор и вдруг, посмотрев на Ямину, добавил:

– А хочешь, пойдешь с нами?

– Наводить порядок в лесу?

– С работой там мы и вдвоем справимся. Просто так.

– Хорошо, – она весело встряхнула мокрыми волосами. – Хорошо, я пойду вместе с тобой на борьбу с этой на редкость живучей дрянью.

Глава восьмая

Ясмина знала далеко не все названия и теперь с интересом повторяла за разбойником незнакомые слова: бук, каштан, ясень, лещина, боярышник, папоротник.

– Давно ты живешь в лесу? – спросила она.

Едва они втроем отошли от лагеря, охотник Дик отстал, сказав, что проверит силки и догонит Робина с Ясминой у кривого граба.

– Именно в Шервуде? С прошлого декабря. Примерно полгода получается.

– Только не говори, что зимой вы жили в этих шатрах!

– Нет, конечно. Ближе к городу есть заброшенная каменоломня. Я о ней знал, и то нашел не сразу, так что от посторонних глаз она хорошо укрыта. Да меня тогда и не искали. Обустроил ее немного, прикрыл вход, сделал неподалеку стойло для чубарого, придумал, как дым от костра отводить.

– И что?

– Для одного меня было прекрасно. Потом, когда присоединились Джон и Скарлет, – сносно, но тесновато.

– А как присоединились? Как вы вообще все собрались?

Робин улыбнулся:

– Джон давно разбойничал в Шервуде, был в одной из старых банд. Такая громадина, все его боялись! А с Уиллом мы знакомы с детства, их семья жила в соседней деревне, а потом он подался в Ноттингем, в наемники. Когда я перебрался в лес, – случайно узнал, что он подрался со стражниками и сидит в подземелье замка. Полез вытаскивать его оттуда. Вытащил, да так он и остался. Ничего, для троих в каменоломне было терпимо. Под Рождество прибавилась Марион, стало куда труднее, но ничего, как-то перезимовали.

Под Рождество, да. Марион плохо помнила тот вечер, хотя времени прошло не так много. Стрела с письмом, влетевшая в окошко – ровно в середину щита, ровно в назначенное время. Светло-серая кобылка, безропотно ступающая по мосту, вдаль от родного замка. Темный лес и голые ветви деревьев. Суровый декабрьский ветер, под которым она заледенела, едва оказавшись за воротами. Почему она покорилась, не стала спорить с братом? Что он сделал бы? Выставил бы ее силой, ударил? Нет, исключено, Гай не может ударить женщину. Но Марион не спорила – она никогда не спорила. Не спорила с отцом, покорно изучая богословие и осваивая ненавистную лютню. Не спорила с Гаем, заставлявшим ее много читать. Она с самого детства знала, что будет красавицей и первой невестой Ноттингемшира. Приходилось соответствовать. И Марион любовалась отражением в маленьком бронзовом зеркальце, вела себя, как положено юной леди из знатного рода, и мечтала о блестящем замужестве, перебирая всех благородных кандидатов – и, разумеется, всем мысленно отказывая.

В ноябре, едва первый снег коснулся земли, Гай созвал окрестную знать на охоту – отметить возвращение из крестового похода. Марион, с ног до головы одетая в небесно-голубое, была на своей любимой светло-серой кобылке. Девушка быстро окинула взглядом всех приглашенных соседей, улыбнувшись каждому, потом посмотрела на брата. Гай стоял рядом с незнакомым светловолосым мужчиной, который был чуть ниже него, и о чем-то говорил, показывая в сторону леса, – видно, обсуждая предстоящую травлю лисы. Марион отметила необыкновенно четкие движения и очень прямую осанку незнакомца. Мужчины договорились: светловолосый, кивнув Гаю, развернулся и направился к своей лошади. Он одним движением взлетел в седло, выпрямился и вскользь посмотрел на Марион. На какое-то мгновение их взгляды встретились, мужчина неуловимо улыбнулся и направил коня чуть в сторону, чтобы осталь-

ным было удобнее собраться рядом. Казалось, он не обращает больше на девушку никакого внимания.

– Гай, – негромко спросила она у брата вмиг пересохшими губами, – а кто это?

– Где?

– Только что с тобой говорил... вон, на крапчатом коне...

– А, это новый лесник. А что?

– Нет, просто... – еле выдохнула она. – Очень красивый конь!

– Да, – кивнул брат. – Где он только нашел? Такой масти днем с огнем не сыщешь. Я даже хотел купить, но он говорит – лошадь не продается.

– Еще бы, – прошептала девушка. – Глаз не отвести, какой конь!

Охота началась, собаки уже гнали зверя по полю, но Марион, всегда любившая эту забаву, сейчас смотрела не на рыжую лисицу, а на белокурого лесника. И потом, когда Гай замаяхнулся хлыстом на маленького псаря, а лесник поймал на лету хвост плети, девушка сама словно почувствовала ожог.

Охотники возвращались к замку, лесник ехал последним. Марион тоже чуть отстала. Никогда в жизни она не призналась бы себе, что нарочно придержала светло-серую кобылку. Никто из уехавших вперед не оборачивался, но девушка, обычно разговорчивая, никак не могла собраться с силами и выдать из себя хоть слово. Наконец, одной рукой держа повод, другой она развязала узел и стянула с себя голубой платок тончайшего льна.

– У вас же кровь льется, – решила она и чуть обернулась к нему, держа платок. – Давайте руку.

– Не привыкать, – рассмеялся лесник. Лицо его было белым, но держался он как ни в чем не бывало. – Спасибо, леди. Не стоит портить такую дорогую вещицу.

– Давайте руку, – повторила Марион. – Я не могу на это смотреть.

Упрямитесь дальше лесник не стал:

– Ладно. Нет, не пристало юной знатной леди возиться с повязками. Давайте ваш платок.

Протянув левую руку, он взял у девушки платок, – Марион увидела, что тыльная сторона ладони рассечена почти до костей, широкая полоса кожи была выдрана кнутом. Лесник отвернулся, пряча лицо, быстро намотал на руку платок и снова посмотрел на Марион:

– Спасибо, леди.

После охоты приглашенные знатные соседи остались на обед. Марион считала минуты до завершения вечера, пару раз Гай даже тихо спросил, не дурно ли ей. Наконец, проведив с вежливой улыбкой гостей, она пожелала спокойной ночи отцу и брату, потом поднялась к себе, закрыла тяжелую дверь на засов, прямо в платье упала на кровать и расплакалась.

Лесник. Всего лишь простой лесник. Чернь, как говорит Гай, кривясь при этом слове. Какое-то наваждение. Ничего, сегодня она вволю отплачется, а завтра воскресенье, – Марион никогда не пропускала мессу, а если вдруг начинала грустить – после службы ей всегда становилось легче. Она любила церковь Святой Марии в Ноттингеме и мечтала, что, когда придет время, будет венчаться именно в этой церкви.

Она проворочалась без сна всю ночь, надела к мессе самое простое из своих платьев, убрала волосы. Посмотрелась в любимое бронзовое зеркальце – изящную безделушку, которую Гай привез из Палестины. Лицо после бессонной ночи было бледнее обычного, глаза покраснели, но она все равно оставалась красавицей.

От фамильного замка Гисборнов до города было чуть больше мили, но даже за это небольшое расстояние Марион успела совсем разволноваться – она и сама не знала, почему. В притворе девушка на мгновение замялась, словно растерявшись, идти на службу или развернуться, – и вдруг почувствовала на своем запястье чужую руку, теплую и жесткую. Марион вздрогнула, быстро повернулась, но увидела только удаляющуюся фигуру в темно-зеленом

плаще с большим капюшоном. Ни Гай, ни Айлин, приехавшие вместе с ней на мессу, ничего не заметили.

Вложенный прямо в руку Марион предмет словно жег ладонь, но раскрыть стиснутый кулачок и посмотреть, что же ей дали, девушка не решалась. Только дома, взлетев по лестнице в свою комнату и заперев дверь, она разжала руку.

Бумага была редкостью, поэтому Марион удивилась, что послание написано на мятом, выдерганном из какого-то большого листа клочке бумаги. Скомканный обрывок. Кривой почерк человека, знакомого с грамотой, но нечасто пишущего.

День, время и место. Просто день, время и место.

Она чуть не расплакалась от обиды. Ее выбирают королевой рыцарских турниров, Огюст Ламбер из раза в раз заказывает менестрелям песни о ее красоте, а какой-то безродный лесник смеет просто назначать время и место?

Никогда в жизни. Никогда такому не бывать. Да стоит ей взмахнуть ресницами – и его вышвырнут из окрестностей Ноттингема.

Марион вытерла слезы и зарылась лицом в одеяло. Было воскресенье, в послании речь шла про вторник, – и она не знала, как ей прожить эти два дня. Два бесконечных, нестерпимо долгих дня.

Наспех связанные поленья лежали на траве.

– В костер пойдут, – Робин поднял пару связок, чуть помедлил, перехватывая поудобнее. – Граб хорошо горит. Идем?

– Оставь мне вязанку. Или дай я у тебя пилу с топором заберу.

– Еще не хватало.

– Слушай, ну я не могу идти просто так, когда ты рядом – как выючная лошадка. Хорошо еще, Дик унес лопату и две вязанки.

– Ладно, забирай пилу. Спасибо. Так правда намного удобнее.

– Вот и нечего, – Ясмина повернулась, чтобы забрать пилу, переглянулась с разбойником, и вдруг оба ни с того ни с сего расхохотались.

– Пойдем. Отец Тук, когда мы уходили, собирался потушить пару зайцев с луком. Наверное, уже почти готово.

– Почему ты ушел в лес? – осторожно спросила Ясмина. – Тебе были бы рады в любой дружине. Ты лучший лучник из всех, что я видела. И прекрасно владеешь мечом – я же вчера смотрела, как вы тренировались со Скарлетом.

– Так уж и прекрасно?

– Да. Но Скарлет лучше.

– Знаю. А насчет лука – вот давай сегодня и посмотрим, кто сильнее. Не боишься?

– Ничуть, – улыбнулась Ясмина. – Проиграть тебе – не зазорно, выиграть – трудно, но я попробую.

– Пробуй, пробуй. Закончится тем, что придет отец Тук и разнесет нас обоих в пух и прах. Он может.

– Ух ты, и не подумала бы! – она перебросила назад свои смоляные косы, скрепленные тяжелыми медными пряжками. – Кто-то еще?

– Эмиль может дать жару. Он прекрасный стрелок, и если будет в себе уверен и не теряет настрой до конца – все может случиться.

– А ты-то сам хоть когда-нибудь промахиваешься?

– Конечно. Помню, мне было лет одиннадцать-двенадцать...

– Не продолжай, – улыбнулась сарацинка.

Ясмина не стала снова спрашивать, почему Робин выбрал жизнь в лесу. Он не ответил в первый раз – может быть, случайно увел разговор в сторону, а может, и вполне осознанно. Лучше не уточнять. Тем более они уже подошли к лагерю.

– Ого, у нас гости, – Робин кивнул в сторону коновязи под навесом, и Ясмина увидела чью-то чужую лошадь.

– Ты знаешь, кто это?

– Конечно. Алан, бродячий менестрель. Он заезжал к нам несколько дней назад, но ты была в Бирмингеме. Так, все, оставь здесь пилу, – разбойник опустил вязанки дров на землю, рядом уже лежали те поленья, что принес Дик. – Пойдем. Алан наверняка сидит в шатре у отца Тука и пробует его адское зелье из забродивших яблок.

Едва они вошли в шатер, Ясмина и вправду увидела незнакомого юношу. Он сидел на бобровых шкурах, обхватив голову руками, и надрывно тянул:

– И даже ты не хочешь мне помочь! А еще почти врач! А еще священник!

– Именно потому, что почти врач и священник.

– Почти врач? – тихо удивилась Ясмина.

– Он врет, – отмахнулся отец Тук. – Я учился несколько лет в Италии, во врачебной школе в Салерно, но меня оттуда выгнали.

– Почему?

– За блуд и пьянство, – без всякого смущения отозвался монах.

– Поэтому ты меня и не понимаешь! – убивался менестрель.

– Что тут вообще происходит? – негромко, но очень отчетливо спросил Робин.

Менестрель перестал скулить, поднял голову и посмотрел на главаря разбойников:

– Я не хочу больше жить на этом свете! Нет смысла жить без Агнес! Все померкло для меня!

– И вот это нытье я слушаю битый час, – проворчал Тук.

– А зайчатина-то, наверное, уже готова, – Робин подошел к менестрелю и встряхнул его, взяв за плечи. – Ну-ка соберись и скажи, что случилось.

– Разве ты меня поймешь? Ты любил когда-нибудь так, чтобы сердце пускалось в полет в неведомые дали, а слезы сами лились из глаз?

– По счастью, нет.

– Никому меня не понять! – Алан снова заскулил, закрыв лицо руками. – Нет смысла в этой бесцветной жизни без нее!

– Ты тут плачь пока, а мы все-таки пойдем и поедим.

– Да все проще простого, Робин, – начал монах. – Алан влюблен в девицу, девица влюблена в него, а родители девицы влюблены в деньги и подыскали ей жениха-богача, с которым ее завтра обвенчают.

– И все?

– Почти. Он, видишь ли, решил из-за этого отправиться в мир иной – и пришел просить у меня совета, какой выбрать способ, чтобы безболезненно и наверняка.

– Вот же дурень.

– Тебе меня не понять! – всхлипнул менестрель. – Агнес для меня потеряна, и моя жизнь кончена! Я не хочу горьких бесцветных дней!

– Говоришь, эта Агнес тоже к тебе неравнодушна?

– Неравнодушна? – вскинулся Алан. – Мы – два сердца, созданных друг для друга! Мы – родные души, и без нее мне нет жизни!

– И где завтра собираются венчать твою родную душу? Откуда и куда она поедет, много ли с ней будет людей? – начал расспрашивать разбойник. – У богатого жениха будет какое-то сопровождение? С оружием или нет? Пресвятая Дева, во что я ввязываюсь?

- В церкви в Аденсбурге. Какое оружие, ты что? Обычная деревенская свадьба!
- Тебе хоть есть куда привести молодую жену?
- Что? – встрепенулся Алан.
- Если завтра в церкви вместо жениха появишься ты – тебе есть куда привести жену?

И на что жить?

- Как я там появлюсь? – снова застонал менестрель. – Ее родители против!
- Ах да. Нужно же спрашивать разрешения.

Глава девятая

Алан перестал размазывать слезы по щекам и, не отрываясь, смотрел на разбойника.

– Значит, невеста живет в Аденсбурге, а богатый жених с сопровождающими поедет из Ноттингема? – повторил Робин.

– Да, – вздохнул Алан. – Богатый, эх... Он сборщик податей, ему хорошо платят, да еще и наследство получил.

– Ага. Сборщик податей, значит. Кажется, я его знаю. Ну, поедет, да не доедет.

– Нет! – менестрель снова уронил голову на руки. – Не надо никого убивать! Лучше я умру сам, моя жизнь бесцветна без Агнес!

– Совсем с ума сошел, – рассмеялся разбойник. – Успокойся, ни с кого даже волосок не упадет. Хватит рыдать. Иди к ручью, умойся и возвращайся обедать. И познакомься уже наконец с Ясминой.

– Джон не успеет вернуться, он и до Лидса-то еще не добрался, – сказал Робин сарацинке, вытолкав менестреля из шатра. – Значит, у нас есть мы с тобой, Скарлет и Эмиль.

– Возьми Теодора, – проворчал монах. – За лагерем я и один присмотрю, ну и Дик будет неподалеку. А пятеро лучше, чем четверо. Да и дело, как я понимаю, намечается доброе и не кровавое.

– Ты прав, возьму. Вернутся Эмиль и Скарлет – соберемся и решим, как лучше. Яси... так, а где она, только что же тут была?

– Здесь я, здесь, – откликнулась сарацинка, проскальзывая в шатер. В руках ее была глиняная плошка с горячим мясом, вареной репой и несколькими кусками хлеба. – Держи-ка. А то сейчас вернется завтрашний жених, тебе снова придется его утешать, и поесть тебе опять не дадут.

Мишень нарисовали углем на широкой доске и повесили на одном из дубов, обрамлявших поляну. Теодор, Дик, Марион и уже успокоившийся Алан собрались вокруг стрелков. Марион заплела причудливые косы, словно на праздник, выбрала ярко-голубое верхнее платье, подходившее к ее глазам, и надела несколько украшений из подарков Робина.

– Ты ведь выиграешь? – проворковала она разбойнику.

– Посмотрим.

Он надел на лук тетиву, отошел от дуба с мишенью ярдов на пятьдесят и обернулся к остальным.

– Начнем отсюда?

– Давай еще подальше, – кивнул монах.

– Я тебя вспомнил! – сказал вдруг Алан, внимательно посмотрев на сарацинку. – Это ведь тебя сэр Гай Гисборн выбрал королевой турнира в Бирмингеме?

– У него всегда был причудливый вкус, – усмехнулась Марион.

Робин, нахмурившись, посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Ясмину – та стояла, держа в руках свой легкий персидский лук из черного клена и буйволиного рога да пару стрел. Колчан с остальными стрелами лежал на траве у ног девушки. Разбойник, быстро улыбнувшись, кивнул ей. Ясмина ответила такой же быстрой улыбкой и кивком, подняла лук, выпрямилась, сама тоненькая и напряженная, словно тетива, – и выпустила стрелу.

Менестрель Алан присвистнул, когда мгновением позже стрела впиалась в самый центр нарисованной мишени. Стрелявшие следом Эмиль, Робин и отец Тук тоже были точны, Робин и монах даже не стали целиться.

– Отойдем еще шагов на десять, – решил главарь.

Первым из состязания выбыл Эмиль: сделав несколько безупречных выстрелов, он вдруг заволновался и промахнулся мимо доски. Но ни Робин, ни отец Тук, ни Ясмينا не собирались мазать.

– Эдак мы на другой край леса скоро уйдем, – заворчал монах, в очередной раз отступая от мишени на несколько шагов. – Надо что-то с этим делать.

Робин, подхватив лук, вышел стрелять. Он обернулся, и Ясмينا молча положила ему в руку две стрелы. Разбойник и сарацинка быстро переглянулись, обменялись почти неуловимыми улыбками, и Робин пристроил обе стрелы на тетиву.

– Что он делает? – заворчал монах.

– Увидишь.

– Что, будет стрелять сразу двумя стрелами?

– Да.

– Так он же ни одной не попадет!

– Попадет обеими.

Свистнула тетива. Обе стрелы вошли в яблочко – верхняя вонзилась чуть выше самого центра, нижняя – чуть ниже.

– Мне такой выстрел не повторить, – произнес Тук.

– Мне тоже, – согласилась Ясмينا и обернулась к разбойнику. – Ты сам не представляешь, как красиво это смотрелось.

– Подумаешь, – рассмеялся он.

– Наконец хоть кто-то, кроме меня, понимает, какой ты прекрасный стрелок, – ухмыльнулся Тук.

Звонкий щебет, похожий на пение малиновки, разнесся вдруг по всему лесу.

– Птицы поют, – тревожно сказал Алан, вытирая ладони о штаны. – Это же хорошая примета?

– Какие, к черту, птицы. Музыкант, тоже мне. Теодор это, – усмехнулся Робин и ответил таким же залившимся свистом. – Ты как будто не знаешь, что мы всегда свистом малиновки перекликаемся. Жених едет. Людей с ним немного, оружия нет или почти нет. Да не тряпись ты так, лучше подумай еще раз, вы точно все решили?

– Да, – Алан снова вытер руки о штаны. – Мне вчера вечером удалось немного поговорить с Агнес. Она согласна. Сразу же после венчания мы отправимся в Лондон, я уверен, что найду там себе хорошее место. А на первое время деньги есть.

– Смотри, осторожнее, тут разбойники кругом в лесах. Еще раз: сейчас встречаем жениха с его сопровождением. Встречаем их здесь, у выезда на полянку, потом очень вежливо их останавливаем. Мы с тобой и со Скарлетом бережно сопровождаем этого сборщика налогов к церкви и там объясняем, что любящие сердца должны быть вместе и что Агнес выйдет только за тебя. Эмиль, Ясмinka и Теодор остаются с друзьями жениха, удерживая их от глупостей, и заодно следят за дорогой, чтобы никто из деревни не бросился за помощью – город все-таки тут слишком близко.

Вдали на неширокой лесной дороге показались несколько всадников.

– Всего-то шестеро, – хмыкнул Робин. – А жених-то солидный, смотри. Точно, сборщик податей, помню эту рожу. Может, пусть Агнес идет за него замуж, а?

– Ты... – задохнулся Алан, – ты же дразнишься?

– Конечно. Ну, вперед. Держись в стороне и не бойся!

Разбойник едва коснулся коня пятками, и чуткий чубарый вышел из-за деревьев, показавшись на дороге.

– Добрый день вам, путники! – улыбнулся Робин, сверкнув серыми глазами. – На свадьбу едете?

– А хоть бы и на свадьбу, – буркнул в ответ нарядный жених. Одет он был пышно и богато: бросались в глаза длинная туника синего бархата, дорогой пояс, расшитый серебряными нитями, и едва вошедшие в моду башмаки из тонкой кожи с очень длинными загнутыми носами. – Может, и на свадьбу. Тебе до того никакого дела нет.

– А если есть?

– Дай проехать, – задиристо начал сборщик налогов и вдруг осекся, увидев за спиной разбойника молодую женщину на кауром коне. Женщина спокойно прислушивалась к разговору, держа в руках изогнутый персидский лук. Одна стрела лежала на тетиве, еще две-три были у девушки в зубах, остальные торчали из закинутого за спину колчана. Рядом был и еще один всадник, пусть и без лука, но с мечом на поясе.

– Не волнуйтесь, – снова улыбнулся Робин, перехватив взгляд жениха. – Мы никому не причиним вреда. Ты поедешь с нами к церкви и побудешь там, пока невесту не обвенчают с ее настоящим возлюбленным. Твои друзья подождут здесь, а мои присмотрят, чтобы они не скучали и не делали глупостей.

Услышав про настоящего возлюбленного, Алан приподнял голову и выпрямился в седле.

– Не носи вздор, – ухмыльнулся жених. – Агнес будет моей.

– Это уж как она сама решит.

Алан снова вздрогнул, растерянно посмотрев на разбойника, но тот лишь рассмеялся и снова обратился к жениху:

– Ну что? Поедешь с нами к церкви или будешь тут ждать?

– Да что ж это такое? – вскинулся жених. – Вы-то что застыли? – он, обернувшись в седле, глянул на своих приятелей – и увидел за их спинами крепкого подростка и молодого рыжеволосого мужчину, тоже с оружием наготове.

– Никто не тронет твоих друзей, если они будут тихо и смиренно тебя дожидаться, – повторил Робин. – Только лучше отодвинуться чуть в сторону с дороги, мало ли кто поедет.

– Да что вы застыли, как бараны? – жених отчаянно покрутил головой, ища поддержки, потом неловко спешился и обернулся, собираясь броситься к своим сопровождающим. – Не будут же они в нас стрелять, в самом деле?!

– Ясминка, останови его.

Одна за другой свистнули две стрелы, и длинные загнутые носки башмаков жениха оказались намертво прибиты к земле.

– Ну, остыл? – Робин спокойно, словно утешая, обратился к жениху. – Давай выдергивай стрелы, садись в седло и поехали в церковь, а то там сейчас начнут волноваться. И скажи, сколько стоили твои башмаки, я тебе за них заплачу.

Агнес, юная невеста, была настоящей красавицей. Увидев четырех всадников, среди которых был и ее любимый Алан, и ненавистный жених, и двое незнакомцев, она растерялась, но вспомнила вчерашнюю тайную беседу с любимым и быстро взяла себя в руки.

Народу возле небольшой сельской церкви было немного – похоже, устраивать пышную свадьбу ни сборщик налогов, ни родители Агнес не собирались.

– Так уж получилось, жених передумал, пока ехал, – рассмеялся Робин, спрыгивая с коня. – Но есть замена, – он кивком указал на менестреля. – Ты согласна, красавица?

Агнес радостно улыбнулась.

– А то бери меня, – снова захохотал разбойник. – Но Алан мне такого не простит. Ну все, вперед, можно начинать.

– Мои родители, – прошептала невеста. – Они... они же не согласны...

– Они ведь не хотят, чтобы ты всю жизнь была несчастна с нелюбимым?

– Конечно, не хотят.

– Ну вот и все.

– Но я им много раз говорила...

– А теперь просто сделай, как тебе хочется. Алан, почему я успокаиваю твою невесту, а? Все, живо оба в церковь. И давайте быстро там, без литургии и прочего. Только вопросы, клятва и все остальное, без чего никак. Мы со Скарлетом на всякий случай останемся тут у входа.

Едва менестрель с невестой зашли в церковь, бывший жених Агнес словно очнулся.

– Да что ж такое творится среди бела дня!

– Скажи еще, грабеж среди бела дня. Иди лучше выпей за их счастье. Есть в этой дыре хоть какая-нибудь харчевня?

– Хватит зубоскалить, я ж тебя сейчас прирежу! – жених выхватил из богато украшенных ножен меч.

– Что это за Агнес, что за нее так убиваются? – разбойник тоже молниеносно достал меч. – Может, и мне стоило присмотреться?

С первого же удара Робин понял, что противник намного слабее. Он не хотел причинять несостоявшемуся новобрачному никакого вреда, хватит с бедолаги и того, что из-под носа увели прекрасную невесту. Но сразу обезоружить соперника показалось разбойнику слишком просто.

– Не твой день сегодня, – усмехнулся он. – Башмаки тебе продырявили, невесту увели, а сейчас еще и без кошелька останешься.

В следующий миг его клинок срезал с пояса богача кожаный мешочек-кошель.

– Робин, – зашипел стоявший рядом Скарлет. – Хорош кривляться, выбей у него меч, и все.

– Да я даже еще не начинал! Подбери лучше кошелек, пусть деньги пойдут на доброе дело. Эй, парень, тебе не жарко в июне в этом роскошном синем бархате? Хорошая прореха не помешает! – Робин ловко распорол клинком бархат на груди сборщика налогов, не коснувшись при этом кожи. – Вот так тебе будет полегче, правда? – он отступил на полшага, решая, как бы еще поиздеваться над противником, и пропустил ответный удар. Тонкая зеленая котта с правой стороны сразу окрасилась кровью.

– Тьфу, кто ж тебя учил так бить? – выругался разбойник.

– Да уж научили получше, чем тебя!

Жених, воодушевившись, снова ринулся в атаку, но Робин неуловимым движением выбил оружие из его руки и в следующий миг приставил свой меч к горлу сборщика налогов.

– Не будем портить свадьбу красавицы Агнес убийством, правда? – он сделал несколько шагов вперед, заставляя противника осторожно пятиться. – Сказал же тебе сразу – иди в харчевню и выпей. Все, проваливай. Твоим друзьям мы скажем, что ты заливаешь горе, они тебя найдут. Все, убирайся, – повторил разбойник. – Еще встретимся, когда повезешь через лес собранные с крестьян деньги!

– Уймись, – тихо остановил его Скарлет. – Поехали, не будем ждать их из церкви. Их уже наверняка обвенчали, а на Алана он не бросится. Это ты вне закона, за тебя ничего не будет.

– Поехали, да.

– В седле удержишься?

– Конечно, – Робин взял у приятеля повод, потрепал коня по холке, потом чуть повернул в сторону пояс с мечом и, оберегая порезанный бок, сел на чубарого с правой стороны. – Да не смотри ты на меня так, ничего страшного, клинок просто по ребрам проскользнул.

– Было б страшно, ты б так не резвился. Поехали. Дурень! – Скарлет снова выругался. – Видел же, что он тебя всерьез убить хочет! Зачем надо было красоваться?

– Тьфу, ты еще! Отстань.

– Прихватить бы чем, хоть поверх одежды.

– Ничего, доеду.

У полянки возле леса Эмиль, Теодор и Ясмينا по-прежнему удерживали приятелей жениха.

– Ваш друг вас ждет в харчевне в Аденсбурге, – главарь разбойников махнул рукой в сторону деревни, потом проводил всадников взглядом. – Эмиль, Тео, заедете в город к Мэтту за стрелами? Он все знает, и я уже расплатился, просто забрать.

– Заберем, – кивнул Эмиль.

– Тогда встретимся к вечеру в лагере. Все, поехали, – Робин развернул коня, встретил тревожный взгляд Ясмины, ответил ей быстрой успокаивающей улыбкой. Сарацинка кивнула, потом снова на него посмотрела с немим вопросом.

– Доеду, не бойся, – опять улыбнулся он. – Кровь почти остановилась. Черт, рубашку жалко.

– Ага, твою страсть к дорогим рубашкам я уже заметила, – фыркнула девушка и, не дожидаясь ответа, отвернулась, направив своего каурого вперед, так, что разбойник видел только ладную прямую спину и отброшенные назад смоляные косы с тяжелыми медными пряжками.

В полутьме шатра глаза Марион сверкали, отражая тлеющий в глиняной чашке фитилек.

– И ты видел эту Агнес?

– Как тебя сейчас, моя красавица.

– И что, она правда такая хорошенькая?

– Очень. Алан просто сверкал, когда входил в церковь.

– Есть же мужчины, которые ведут к алтарю, а не на сеновал, – тихо вздохнула Марион и, выжидая, посмотрела на разбойника, потом отвернулась и зарылась под меховое одеяло.

Робин не ответил. Он злился сам на себя, понимая, что смену жениха можно было провести четче и изящней и что со сборщиком налогов он действительно сам заигрался. Порез на боку, зашитый отцом Туком, сильно ныл и портил настроение еще больше. Приходилось сдерживаться и не показывать перед Марион, что ему больно. Кое-как устроившись на спине, разбойник закрыл глаза и через некоторое время уснул.

Он проснулся под утро, неловко повернувшись. Тихо выругался, осторожно выскользнул из-под сшитых овечьих шкур, на ощупь нашарил одежду и через некоторое время выбрался из шатра. Робин глянул на небо, увидел, что вот-вот начнет светать. Ясмينا должна была его разбудить еще с час назад. Разбойник подошел ближе к центру полянки и заметил в слабом свете едва тлеющего костра силуэт девушки. Она сидела на бревне, распущенные волосы закрывали плечи и спину, длинные пушистые ресницы чуть дрожали. Он неслышными шагами подобрался поближе.

– Ты чего крадешься? – тихо сказала сарацинка и повернулась. По лицу ее снова скользнула та улыбка, что появилась в последние дни.

– Вообще сейчас я должен тут сидеть и спрашивать, кто и зачем крадется. Пятый час утра. Почему ты меня не подняла?

Она снова улыбнулась:

– Мне не трудно покараулить лагерь еще пару часов. А тебе лучше было поспать.

– Все кругом знают, что мне лучше. Спасибо, сам разберусь, – Робин опустил на бревно и слишком быстро повернулся к девушке, порезанный бок тут же отозвался болью. – Тьфу, черт.

– Ну видишь. Осторожнее.

– Не надо смахивать с меня пылинки из-за всякой чепухи.

– Не злись, – Ясмينا растерянно посмотрела на него. – Я виновата, прости. Решаешь тут ты, – она осторожно улыбнулась. – Готова заглядить вину и завтра тоже покараулить лагерь вместо тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.